

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АРГУМЕНТЫ ПЕДЕРА
www.argumenty.ru - журнал о педагогах

Алла Яковлевна Иошпе

Бочка счастья (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17060624
Иошпе А. Бочка счастья: ИД «Аргументы недели; Москва; 2015
ISBN 978-5-9906488-6-9

Аннотация

Я – не писатель. Хоть и пишу. Не писательница я. Я – рассказчик. Рассказываю о том, что было и как было. А так как все мы не объективны, особенно женщины, то и события, сохранившиеся в моей памяти, окрашены моим собственным отношением ко всему происходящему и моим собственным пониманием жизни. И даже моим характером окрашены. В этой книге – немного о нас. Но есть и художественные рассказы. Откуда они взялись? Не скажу. Просто прочитайте их... и подумайте сами.

Или придумайте что-нибудь.

Содержание

От автора	5
Наше пожизненное	6
Безумству любящих	6
Огнем и железом	9
Если бы не он	13
Старая статья	16
Сто писем... в никуда	19
Без подписи	21
Нет добра без худа	22
Отпуск	24
Когда другие не могут...	27
Привет от Анны Герман	30
А судьи кто?	33
Неожиданная песня	36
Что заслужили	38
Золото юбилея	43
А дальше...	49
Тяжелая счастливая жизнь В. М.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алла Иошпе Бочка счастья (сборник)

Рисунки Стахана Рахимова

Благодарю за помощь в издании книги Татьяну и Леонида Киевских и Оксану и Владимира Дыдычкиных.

© Иошпе А.Я., 2015

© ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2015

* * *

Посвящается всем тем, кто нас любит. А кто не любит – тем более.

*Кто не видел в жизни счастья,
Может не огорчаться,
Если вы не видели счастья,
Я покажу вам его:
Полная бочка счастья,
Полная бочка счастья,
Полная бочка счастья
У братика моего.
Может, оно малость жестковато,
Может, оно даже темновато,
Может, с непривычки страшиновато,
Но оно ведь,
Но оно ведь —
У родного брата.*

Борис Заходер

От автора

Я – не писатель. Хоть и пишу. Не писательница я. Я – рассказчик. Рассказываю о том, что было и как было. А так как все мы не объективны, особенно женщины, то и события, сохранившиеся в моей памяти, окрашены моим собственным отношением ко всему происходящему и моим собственным пониманием жизни. И даже моим характером окрашены.

В этой книге – немного о нас. Но есть и художественные рассказы. Откуда они взялись? Не скажу. Просто прочитайте их... и подумайте сами. Или придумайте что-нибудь.

Честно говоря, я всегда удивляюсь и радуюсь, узнав, что мои нехитрые истории, изданные смелыми издателями, вызывают интерес. А кто-то даже перечитывает их. Три книги – «Песня длиной в жизнь», «Хлеб-с-солью-и-пылью» и «В городе Белой Вороны» были награждены вашим вниманием.

И мне говорят: «Пиши. Пиши еще».

Мне говорят: «Пиши,
Все может пригодиться.
Ведь все не зря:
Не зря летают птицы,
Не зря пальто осеннее пылится,
Надеется, что может пригодиться».

И я пишу.
Кому-нибудь сгодится,
Тому, кому не дремлет, не спится
И кто тревожится, душой томится...
И кто-нибудь прочтет – и удивится,
Опомнится, и – мир преобразится!

Люби, люби!
Нам от любви не скрыться!
Одна любовь дает душе светиться,
Наполниться, надеждою налиться!
...А что прошло,
То продолжает сниться.

Мечтай,
Пусть это и не современно!
Пусть наша жизнь и слепа, и надменна,
Но я мечтаю. Все мечтаю... и пишу...
Как будто бы
Дитя в себе ношу.

Наше пожизненное

Безумству любящих

Каждый раз, закончив очередную книгу (ого, как я уже заговорила!), я думаю – все! Больше ничего уж и не напишется. Так мне кажется. А когда закончила третью – «В городе Белой Вороны», уж точно решила – все. Была просто убеждена. Уже рассказала, что хотела. Поделюсь тем, что пришлось нам и многим пережить в наши, почти всегда смутные времена...

И вот, в третий раз поставив точку, я закрыла мой маленький компьютер, попрощалась с ним... вздохнула и... убрала его.

И окончательно огорчилась. Теперь уж точно – все.

...Проходит пара месяцев. Мы собираемся на наш любимый остров-мышку, на Кипр... И я почему-то глянула в ту сторону, где лежит мой красный лэптопчик... И он... как-то незаметно... сам по себе... забирается в наш уже почти собранный в дорогу чемодан.

Так. На всякий случай, наверно.

В самолете я расслабляюсь и беру в руки приготовленное в дорогу чтиво – книгу известной американской писательницы Элизабет Гилберт «Законный брак». И – погружаюсь. В удивительную историю. Потрясающую судьбу.

Не так давно вышла в свет, став бестселлером, ее «Есть, молиться, любить». Интереснейший автобиографический роман, в котором автор честно рассказывает о своей судьбе. О бедах, выпавших на женскую ее долю: проблемы с мужем, предательство, глубокая депрессия... а потом – и развод, «этот ужасный, унижительный, уничтожающий, разоряющий... адский процесс», перевернувший не только всю душу, но и всю ее жизнь. И тем не менее выходит ее новая книга – «Законный брак».

Ее я и взяла в руки, сидя в самолете компании «Трансаэро», взявшем путь из Москвы на кипрский город Пафос.

Ну что вам сказать?! Это уже целое эссе о браках и разводах.

А значит, и о любви.

Аристофан оставил миру и нам с вами легенду о том, что на заре человечества люди были о двух головах, четырех руках и четырех ногах. И все были счастливы. Каждый имел свою половинку рядом, при себе. Но боги за что-то разгневались и сурово наказали счастливиц, разъединив их на отдельные существа: с одной головой, двумя руками и двумя ногами.

С тех пор люди и стали одиноки. С тех пор и ищут свою половинку. А как ее найдешь?! Пойди найди свою, родную, чтоб подходила именно тебе!

Вот и мечемся, пробуем, ошибаемся...

«Умный человек учится на своих ошибках, а гениальный – на ошибках других». Автор книги – она же ее героиня – и изучает «ошибки» других. И ничем хорошим, по ее мнению, брак не может закончиться. Только горечью, болью.

И разводом.

Господи, как же хорошо, что этот роман вышел уже после того, как я связала свою жизнь с моим будущим мужем! С которым мы «обрекли себя на пожизненное». Я бы ее, эту книгу, обязательно прочитала. И представляете, сколько сомнений и тревог внесли бы эти «исследования» в наши тогда еще не окрепшие в жизненных баталиях души?!

И что, я задумалась бы?

Я испугалась бы?

Не знаю.

Не думаю.

Нет, пожалуй.

Точно – нет!

Но – «Прежде чем идти на войну – помолись. Выходя в море – помолись дважды. А перед свадьбой помолись трижды!»

Я же молюсь всю свою жизнь. Весь наш долгий, трудный и необычный путь под названием брак.

И благодарю Бога. Благодарю за то, что эта молитва пока помогает. Несмотря ни на что!

Мы с ним просто взяли и окунулись в нашу сумасшедшую жизнь с головой, не раздумывая о последствиях, о приобретениях и потерях.

Безумству храбрых поем мы песню!

БЕЗУМСТВУ

ЛЮБЯЩИХ

ПОЕМ МЫ
СВОИ
ПЕСНИ!

Огнем и железом

Взяли себе моду. Все время приглашают нас на разные телевизионные ток-шоу. Было бы уместнее звать нас на музыкальные программы.

Но наших молодых журналистов, этих, извиняюсь, интервьюеров, интересует прежде всего какой-нибудь конфликт. Скандал или «клубничка».

И нас спрашивают:

– Вот вы столько лет вместе! Ну и как?!

В смысле – не надоели ли мы друг другу? За столько-то лет. Или если уж надоели, то – до какой степени?

Но... как сказал бы Лоренс Даррелл – брат известного Даррелла Джеральда: «Мы слишком далеко зашли, чтобы возвращаться».

Думаю, это действительно так.

И еще он же: «Суть обладания – война до победного конца за золото души близкого человека».

Здорово, правда? И странно.

Это что – война?! Да еще – до победного конца?! Значит, кто-то кого-то должен обязательно победить, чтобы добраться до «золота души близкого человека»?!

Интересно. И даже немного страшно.

Но, несмотря на «до победного конца», я говорю:

– Вся моя жизнь – как один день!

Муж говорит:

– Один – к трем!

Тем не менее на горизонте – наша ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА. Как кто-то сказал, «Золотой юбилей золотой пары!». Честно говоря, не уверена, что мы уж такая золотая пара. Но народ знает лучше. И все ждут от нас восторженных рассказов о нашем безоблачном счастье и вечной любви.

Восторги?

Да. От того, что мы вместе до сих пор, что до сих пор поем, что любимы зрителями. Что живы! Можно это назвать не столько восторгами, сколько благодарностью судьбе и друг другу.

Вечная любовь?

А где вы видели вообще что-нибудь вечное? Тем более любовь вечную?! Ее не было и нет. И это не страшно. Она, любовь, перерастает во что-то другое, а если очень уж повезет, то действительно в долгое, надежное, необходимое... А как это назвать – уже неважно.

А что насчет «безоблачного счастья»?

А оно вообще никуда даже и не перерастает. Нечему перерастать. Потому что такого счастья не бывает вообще. Как и самой безоблачности. Даже в прекрасный солнечный день мы видим изумительной красоты белые облака! Они украшают своим великолепием и выдумкой голубое небо! Делают его реальным и наполненным. Плывут себе по своему маршруту... Заняты.

Ну а если все так, то тогда – как же???

А если все так, то тогда – почему же?!!

А так. И потому.

Мы встретились, когда все было против нас. И все. Наши родители. Наши замужества, уже состоявшиеся. С детьми даже. Наше окружение: друзья и родственники. Наши на первый взгляд совершенно не совместимые национальности: он – узбек, мусульманин, я –

еврейка, иудейка. Даже гороскопы наши расположены противоположно. Я – июньская, он – ровно через полгода, декабрьский. В некоторых так и написано – «союз наименьшей совместимости».

Надо же! А мы этого не знали.

Да и если б знали – то не заметили б.

Вот и не заметили.

...Наше знакомство произошло случайно. Как все знакомства на свете.

Наше знакомство произошло не случайно. Как все, что заканчивается браком.

К тому времени я с красным дипломом уже закончила факультет психологии МГУ, и меня оставили при кафедре. Готовиться к аспирантуре. Куда в дальнейшем я и поступила на очное отделение к знаменитому нейропсихологу, профессору Александру Романовичу Лурии.

Мне нравилась моя профессия, но главным в моей жизни тогда уже стал оркестр. Оркестр легкой музыки МГУ. О котором я так долго мечтала и куда меня наконец-то пригласили.

По воскресеньям и средам я с великой радостью и волнением прибегала на репетиции. В любимый Дом культуры на Моховой, в самом центре Москвы. На тогдашней улице Герцена. Рядом с моим психологическим факультетом.

До этого я уже была студенческой звездой, выступая с маленьким квартетом факультетской самодеятельности. Но оркестр – это ОРКЕСТР! С настоящими, профессиональными музыкантами, настоящим дирижером (уже известным тогда Анатолием Кремером). А вскоре – и с настоящими гастроями по стране. А это уже – концертные залы, гостиницы, поезда, успех... цветы...

К моменту нашего знакомства Стахан еще только заканчивал МЭИ, Московский энергетический. У него это получилось позже, чем у меня. Институт закончить. Но к тому времени у него уже был свой ансамбль. Ансамбль «Гармония» был создан при Доме культуры МЭИ специально для студента Стахана Рахимова, который учился гораздо хуже, чем пел. Но который пел так, что сразу же стал настоящим студенческим любимцем.

Подробнее обо всем об этом кто-то уже прочел, а кто-то, если захочет, узнает в «Песне длиной в жизнь». О том, как мы познакомились – как конкуренты на конкурсе в Колонном зале... как поделили первую премию на двоих (а сами понимаете, женщина не может удовлетвориться половиной, вот вам – и наш дуэт!)... И о том, как вскоре полетели к черту все предостережения родителей (его – «она же не наша!», и моих – «ты с ума сошла, у восточных мужчин – гаремы!»)...

Мой будущий муж объяснял своей маме: «Она же еврейка!» На что мама его заявила: «Ну... немножечко своя». А своей маме я объявила:

– Не бойся, мама, мне просто придется заменить ему гарем!

Вот мне в дальнейшем и приходилось этим заниматься. Всю жизнь. Гарем ему заменять. Работы в этом плане было предостаточно.

...Жить нам было негде. Денег не было совсем. Мои родители смогли снять нам комнатку недалеко от них, на Малой Бронной. Папа на санках перевез какую-никакую мебельку, самую необходимую... посуду... И мы стали пробовать жить вместе.

А непосредственным поводом «жить вместе» послужили наши первые совместные гастроли. Это было в Одессе. Так что нашей повивальной бабкой стал этот удивительный город.

И вот мы с оркестром МГУ прилетели в Одессу, и нас стали расселять в гостинице. Администраторша, толстая одесская тетя, категорически отказалась селить нас вместе в одном номере.

– Ну, и – где? – спрашивает тетя.

– Что – где? – удивляется Стахан.

– И где я вижу, что вы муж и жена? – прищурилась администраторша.

Нигде она этого не видела.

– Нигде и не вижу! **Не вижу**. Даже напрягаюсь.

Стахан занервничал:

– Я же вам говорю – мы муж и жена!

– Ну, и где мне это видеть, когда я только слышу?!

Тетя издевательски вертит перед своими глазами его и моим паспортами.

– Да у нас – дети! – справедливо вспомнил Стахан.

– Чьи?! – обрадовалась тетя.

И тут уже он распаляется и выходит из себя.

– Если не поселите нас вместе, я не буду петь концерт! – выдвигает он последний аргумент.

– Да хоть не танцуй! Мне и так весело! – радуется тетя.

На крик появляется ОН, главный администратор Одесской филармонии, знаменитый товарищ Козак.

– А где же тут драка? Почему не вижу?! – интересуется товарищ Козак.

Стахан настаивает, кричит!!! Скандал разрастается. И тогда, обращаясь к собравшейся уже публике, невозмутимый Козак изрекает:

– Разве это скандал?! Что-то я не вижу скандала!

И – указывая двумя руками на моего будущего мужа:

– Это что, темперамент?! Нет!!! Это не скандал и это не темперамент! Вот грузины гастролировали! Так это был темперамент! Так это был скандал!!!

И – гордо:

– Они меня резать обещали!

И все-таки Козак позаботился, и мы оказались в гостиничном номере вместе.

Именно после этого случая в Одессе Стахан и решил, что штамп в паспорте, может быть, и не помешает.

Да, Одесса! Это был тот самый город, в котором еще до знакомства с моим будущим мужем я впервые попала в гастрольную поездку с оркестром МГУ. Когда после первого же концерта я услышала от того самого Козака – он говорил дирижеру: «О, она таки будет гастролершей!» – я расстроилась и горько заплакала. Я хорошо спела, меня так принимали! А он – «гастролерша»! Мне это слово показалось очень, очень обидным. Ведь моя бабушка, мама моей мамы, папу моего, которому вечно не сиделось на месте и который вечно куда-то спешил, ехал и бежал, обзывала гастролером.

– Яша! Сколько можно бегать?! Гастролер!!!

Лишь потом мне объяснили, что «гастролер» на языке эстрады это – почти как почетное звание. Так называли только тех, кто очень хорошо работает на сцене и смело может ехать на гастроли. Кто может своим именем везти за собой целые коллективы и собирать полные залы. Что в дальнейшем у нас со Стаханом и получилось. Мы действительно были гастролерами.

Тогда, в ту одесскую поездку, мы уже чувствовали себя настоящими артистами, почти профи – ведь мы уже получали гонорар! Рублей по шесть за концерт. Каждый. Это был наш первый семейный бюджет.

И успех был настоящий. Как на сцене, так и после концерта.

На моего будущего мужа буквально набрасывались поклонницы.

– Вы так пели, ах, как вы пели! – щебетали они.

Я брала его руку, демонстративно клала ее себе на талию, показывая всем видом, что им не обломится, и мы уходили с ним в наш номер, с таким трудом отвоеванный в битве с суровым законом.

Поклонники появлялись и у меня. Но это никак не нравилось моему уже почти мужу. Свои ему нравились как-то больше.

Тогда я и сказала:

– Если ты мне, Рахимов, изменишь или я это просто почувствую, тебе отвечу тем же.

Хотя, если честно, мне этого совсем не хочется.

Он задумался.

– Ты – женщина! – мрачно сказал он.

– Тем более, – сказала я.

Аргументом «ты – женщина» он пользовался часто. Если надо что-то решить по телефону, позвонить кому-нибудь по делу – о концерте, о записи на радио, музыкантам... я – «женщина». Договориться о детском садике или вообще о чем-то важном – я «женщина». Поговорить с директором филармонии о переносе гастролей – тем более я «женщина». И вообще...

Но надо отдать ему должное – он был и остается настоящим мужчиной, решительным и рукастым, мастером на все руки. Даже мебель сам может сделать. И делал. И реставрировал антикварный стол и буфет. А как он может починить утюг! А это для меня всегда было высшей математикой, которую я боюсь всю свою жизнь.

Поэтому я и звонила, и договаривалась... и «была женщиной». Да я и не помню ни одного скандала по поводу того, кто из нас должен пропылесосить в квартире, сготовить или разогреть еду, сходить за продуктами, вынести мусор... И не было обид, если кто-то чего-нибудь не сделал. Мы даже не договаривались о наших обязанностях и правах. Мы просто все делали вместе. Ведь так долго у нас не было угла своего, крыши над головой... не было своего окна и своего абажура. Не говоря уж о своих общих семейных обязанностях.

И когда наконец появилось все это, мы просто были счастливы. И наши права, и наши обязанности уже не обсуждались. Некогда было. Надо было скорей-скорей успеть закончить домашние дела и – на концерт, на репетицию, на запись... Или на самолет.

И тогда никто еще и не слышал о каких-то там брачных контрактах.

Да и что, если б и слышал?! Что б мы могли тогда разделить, если что?! Только нашу любовь. Разбитую, если, не дай бог, пришлось бы ее делить. Да обручальное колечко. Мое и его.

А его кольцо даже невозможно было б и снять! Не то что разделить. Когда однажды Стахан поднял капот нашей первой машины – «запорожца» – и залез в мотор (что он там натворил? на что нажал?), что-то там закоротило, и обручальное кольцо на его безымянном пальце раскалилось и буквально приварилось к коже! Боль была дикая. И снять это кольцо он не мог очень долго. Да и не снимал.

На этом месте так и остался выжженный шрам. И само обручальное кольцо, конечно.

Так, огнем и железом, я прописалась в его судьбе на всю жизнь.

Если бы не он

Еще до того как мы поженились, еще задолго до этого, мы поссорились. Да так, что могли бы и не помириться вовсе.

Наверно, так бы оно и вышло. Если бы не наш друг, поэт-композитор, ученый-биолог, незабвенный Ген Шангин-Березовский.

Когда-то, когда я уже пела на студенческой сцене, ребята принесли мне песню, про которую сказали: «Это для тебя и про тебя». Это была «Царевна Несмеяна». Никто не знал автора. Все вообще говорили – студенческая народная.

И вот в нашей квартирке на Бронной раздается звонок:

– Алла? Это Ген Шангин.

– Кто вы? Я вас знаю?

– Меня – нет. А вот мою песню – знаете. И поете.

– ?

– «Царевна Несмеяна».

– Стойте! Не потеряйтесь!! Я ведь так и не знаю автора!!! Ищу, но никто не знает!

– Вот я сам вас и нашел.

– Так приходите!

– Так сейчас и приду!

И приходит.

Высокий, симпатичный, интересный мужчина. Прилично старше меня. Умница. Пишет замечательные стихи и песни на них. Это он потом написал для меня «Не торопи любовь, потом наплачешься», «Листопад», а позднее уже и для нашего дуэта – «Если любить так»... Эти песни стали программными и долго украшали наш концертный и пластиночный репертуар.

Мы с Геном подружились. Надолго. Почти навсегда.

Генка принял Стахана сразу же. Это он его тут же стал звать Узбеком. С такой нежностью и уважением, что имя это так навсегда и стало Именем Стахана Рахимова. Узбек.

И вот мы поссорились. Не с Геном, а с моим будущим. Я была уверена, что виноват он. Узбек не сомневался, что я.

К тому времени наши отношения перешли уже в серьезную фазу. И моему Узбеку надоело, что после наших замечательных встреч я каждый раз ухожу домой. В семью. К мужу и маленькой дочке.

И он сорвался. Он кричал, даже угрожал! Уж не помню, что он выкрикивал, но я пришла в ужас. Я никогда его таким не видела, не могла представить, что он ТАКИМ может быть вообще!

Этот скандал происходил у него в студенческом общежитии. На его крики в комнату стали заглядывать удивленные студенты. А я сидела на кровати, закрыв ладонями лицо, плакала...

И решила уйти. От него. Навсегда уйти. Тем более что он продолжал орать: «Или оставайся со мной, или убирайся к нему!!!»

Я ушла. Он бросился по лестнице вниз. Но не за мной. Он обогнал меня. Пока я спустилась, он уже поймал такси, расплатился, успел сказать водителю мой адрес. Я уехала. Перестала плакать. И почему-то стало легко-легко на душе. Наконец-то. Вот все само собой и разрешилось. Снова будет спокойная размеренная жизнь в семье. Не надо будет обманывать и изворачиваться. А это я ненавижу всю свою жизнь.

Я даже мысленно поблагодарила Стахана. Он сам все решил и разрешил. Так тому и быть, значит.

...Проходит месяца два. Стахан все время у Шангина пропадает. Просит помочь. Ругает себя нещадно. «Я дурак, идиот! Она не простит никогда!» Генка с ним соглашается. Насчет дурака и идиота. Насчет остального молчит.

И приходит Ген ко мне. Просто так приходит. Узнать, как я, чем живу, настроение какое... Не спрашивает ничего о Нем. И я молчу. И настроение хорошее.

Потом Генка мне стал часто звонить:

– Ежиха, понимаешь, он переживает, мучается. Все бывает у любящих, уж мне поверь, у меня – опыт огромный.

«Ежиха» – это имя, данное Генкой, тоже надолго прилепилось ко мне.

– Генка, нет! – говорит Ежиха.

– Уверена?!

– Абсолютно.

Так и порешили.

Потом опять звонит. Зовет в гости. Клянется-божится, что «никого» не будет. Только мы с ним. Хочет песню новую показать. Этим меня заманить легко.

Прихожу.

Действительно, песню написал для меня. «Не торопи любовь». Прелесть песня! Шлягер, как сказали бы зубры эстрадные. Уже не зря пришла.

А Генка все на часы поглаживает. И, как оказалось, неспроста.

Звонок в дверь. Приходит Он. Узбек. Бледный. Нервный. Молчит. Сел в другом углу комнаты. Не смотрит на меня и не говорит ничего.

Я собираюсь уходить. Нет. Не демонстративно. Просто подумала – пора.

Он тоже встает. И протягивает мне конверт.

– Прости меня.

И все. Я беру конверт. Машинально. Кладу в сумку. Генка идет меня провожать. Когда я сажусь в подошедшее такси, Узбек уже там. В машине, сзади сидит.

Едем молча. Я вышла на своей Бронной. Он поехал дальше.

Дома я открыла конверт.

Письмо. Полностью пересказывать его я не хочу. Да и не могу.

Оно долго хранилось в нашем архиве. Я никогда не напоминала моему мужу о нем. Это был настоящий крик. О раскаянии. О любви.

Это письмо потом исчезло. Наверно, ему, восточному человеку, было неловко за тот отчаянный крик: «Ты никогда не пожалеешь, если станешь моей женой! Я все сделаю, чтобы ты никогда не пожалела! Ты будешь счастлива. Мы с тобой будем счастливы только вместе. Обещаю. Прости меня».

Ему, именно Ему, такое написать было трудно, почти невозможно. Ведь он уже был король! Он уже знал, что такое любовь и поклонение, сцена и успех! Но он это написал. Он по-настоящему переживал наш разрыв.

Я не ответила на это письмо.

Но как-то... почему-то... где-то... мы встретились...

И – все.

А сейчас, спустя почти полвека, мы сидим на нашей даче, в Валентиновке. Сегодня все голосуют за президента России, а мы отдыхаем. И мой муж вдруг находит и дает мне старое письмо Гена Шангина-Березовского. И – стихи.

Уже нет его на этой земле, нашего старого друга. А мы с мужем уже столько лет вместе. И скоро наша Золотая свадьба!

И вот – это письмо. Как привет к нашему Золотому юбилею. От легендарного Гена Шангина-Березовского:

«Стихи, написанные на музыкальный мотив, которые поразят Узбека в самое сердце, и все узнают, какой я несчастный человек.

Он не простой. Он золотой —
Большой человек заслуженный!
А я перед ним — совсем как дым,
РавняЮся я нулю.
А он — Узбек,
Большой человек!
У него талант недюжинный!
\\А я зато его девочку,
Я Аллочку люблю!\\ (2 раза)

Он — бай-басмач, и мне, хоть плачь,
Не войти к нему в доверие!
Не то, что плов, даже пару слов
Скажу — и все загублю!
А он — эмир! Перед ним весь мир
Дрожит без лицемерия!
\\А я зато его девочку,
Я — Аллочку люблю!\\ (2 раза)

Его талант, как океанТ,
И сам он красив отчаянно,
А я седой, и, как козодой,
Я жалобно хриплю.
А он поет и идет вперед
НароШно и нечаянно
\\А Я ЗАТО ЕГО ДЕВОЧКУ,
Я — АЛЛОЧКУ ЛЮБЛЮ!!!\\ (2 раза, громко!)

Когда-нибудь прибьет народ
Доску мемориальнуЯ,
И много будет сказано
О нем прекрасных слов!
А я помру, и со мной помрет
Вся судьба моя печальная,
\\НО ВЕЧНО БУДЕТ ЖИТЬ МОЯ
БЕССМЕРТНАЯ ЛЮБОФ!\\ (все хором дружно и 3
раза)

Написано пополудни в глубоком раздумье. Шангин-Березовский сын Никифоров».

Вот такой был наш Генка. Биолог-поэт-композитор-шутник-балагур — Ген Никифорович Шангин-Березовский.

Если бы не он, у нас не было бы многих замечательных песен.

И если б не он, мы не готовились бы сейчас к нашему Золотому юбилею.

Старая статья

Все это было странно. И неожиданно. Стала искать в своих компьютерных записях свой старый рассказ. И вдруг наталкиваюсь на то, что я никогда не писала и даже никогда не читала!

Откуда это? Что?!

Статья.

Судя по всему, эта статья была написана давно. После новой тогда нашей концертной программы «Распахни свое сердце». Много-много лет назад. На премьере, как стало ясно из прочитанного, находилась известный музыковед и театральный критик Наталия Ильинична Смирнова.

И вот спустя многие годы в моем компьютере каким-то образом оказалось ЭТО. Кто-то скопировал и выложил мне этот «документ». Почти научное исследование песенного творчества вообще.

Но большая часть статьи – о нас.

Конечно, немного странно читать все это сейчас, но...

Статья называется «ДЕЛАТЬ ТАЛАНТЛИВЕЕ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ».

«В последние годы все более отчетливо обнаруживает себя процесс театрализации песни. Складывается явление, уже обозначенное как «театр песни». С устойчивыми, почти неподвижными средствами выразительности. От строго зафиксированного «лица» – до постоянно ищущих, новаторских «театров», резко меняющих не только выражение своих «лиц», но и сам характер взаимодействия со зрителем.

Таким и явился нам в последнем концертном сезоне дуэт солистов – «Театр» Аллы Иошпе и Стахана Рахимова.

Этот дуэт пришел на профессиональную сцену из самодеятельности. Молодые певцы пропагандировали молодых авторов. Агитбригады, целина, комсомольско-молодежные стройки, Братская ГЭС, Дивногорск... Они приезжали на стройки сразу же вслед за строителями. Они несли в своих песнях счастливую, окрыленную, романтически возвышенную радость строительства новой жизни. За это любили их не только в «палаточных», но и в больших городах – свежесть их голосов отлично сочеталась со свежестью их мироощущения.

Потом песни их стали глубже. Они осваивали методику, стилистику, гармонию народной песни: среднеазиатской – узбекской, туркменской, азербайджанской – и русской. Народная песня многому научила их. Игровому, многоплановому и многообразному выражению, исповедальной манере исполнения, чуду ее «внутреннего наполнения», умению выражать метафорический смысл, находить глубину подтекстов и широту ассоциаций. Они сделали ряд поразительных открытий. «Разложили», например, на голоса туркменскую песню, которая не знала иного, кроме унисонного выражения, не только сохранив ее интонационный склад, но и необычайно обогатив ее гармоническое начало.

Народная песня научила их работать и над песней современной. Артисты стали придирчивы к текстам (только поэзия, никаких «подтекстовок»), очень внимательны к музыке. Кажется, они по-новому, как собственное кредо, услышали завет Даргомыжского «не низводить музыку до забавы. Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды».

Редкостно красивый по тембру голос С. Рахимова обрел способность выражать подлинный драматизм. Лирическое сопрано А. Иошпе оказалось в состоянии раскрывать накал и пронзительность звучания до трагедии. А постижение высот трагедийности (что, как мы знаем, является признаком зрелости любого театра) открыло и новые для них жанры: наряду с балладой, исповедью, родились песни-памфлеты, песни-зонги, дуэты остроконфликтного, драматического содержания.

Алла Иошпе и Стахан Рахимов работают со многими крупными композиторами – М. Фрадкин, Э. Колмановский, О. Фельцман, М. Таривердиев, Д. Тухманов... Им же принадлежит заслуга пропаганды песен молодых композиторов.

Режиссеры своих песен – они не просто «укладывают» свои прекрасные голоса в слова, ритм и мелодию, а широко, свободно, с даром драматических актеров раскрывают душевный мир своих героев, которые живут, волнуются, страдают.

И в репертуаре лирическом, и в песнях героических, гражданских, их герои – люди неизменно интеллигентные, обладающие особой душевной грацией, а нередко и изысканной духовностью, тем редкостным сплавом сердечного темперамента и деликатности, который делает их чрезвычайно интересными для слушателя собеседниками: умными, внимательными, неназойливыми.

Нередко случается так, что ОНА начинает песню первым голосом, ОН – вторым, потом они «меняются» – ОН ведет основную «партию». Ее голос звучит то низко, почти меццо-сопрано, а потом «забирается» вверх – и уже звучит нежный, лиричный, особого обаяния высокий голос, а ОН «ведет» вниз, и лирический тенор обретает баритонные обертоны.

Но не унисон и не «партии» голосов поражают воображение зрителя. А удивительный **унисон сердечных эмоций**. Наверное, это и рождает такую **ответственность** зрительного зала. Они приходят на эстраду не только (и меньше всего) знакомить со своими талантами. Кажется, главная их задача в концерте – **делать талантливее сердца** своих зрителей.

Алла Иошпе и Стахан Рахимов – судя по прошедшему сезону – стали большими, зрелыми мастерами. Недаром их так любит зритель. Недаром сразу же разошлась их пластинка-гигант, названная так же, как и их новая программа – «Распахни свое сердце».

Недаром они, выступив во многих странах четырех континентов мира, по праву стали пропагандистами советской музыкальной культуры, образа советского человека.

Доктор наук, театральный критик Н. Смирнова».

Позднее Наталия Ильинична подготовила к изданию серьезный сборник о творчестве советских певцов. Каждому из них была посвящена целая глава. Нам – три: А. Иошпе, С. Рахимову и отдельно – дуэту. Этому, по ее мнению, «особому явлению в музыкальной культуре».

Мы виноваты перед этим человеком.

А может быть, и не мы.

В 1979 году мы решили уехать из СССР и сразу же предупредили об этом Наталию Ильиничну. Оказалось, уже находилась в печати ее книга, этот сборник статей о творчестве «звезд» советского искусства. И естественно, три главы о нас были изъяты и уничтожены моментально.

В связи с этим издание книги было задержано. Потом, правда, книга вышла. Но – уже без нас. «Пропагандистов советского музыкального искусства и образа советского человека».

Ничего не поделаешь.

В такое время, в такой стране мы жили.

Сто писем... в никуда

Нас не выпустили. Ни в какую эмиграцию. Ни на какое лечение.

И мы попытались, наивные безумцы, бороться.

С кем?!

С советской властью?!!

Как?!

Мы обратились в прессу. Нашу. Советскую. Родную.

И не только нашу.

Мы написали сто писем. СТО.

Письмо, конечно, было одно. Но было распечатано в ста экземплярах.

Это было письмо-заявление, попытка достучаться до официальных и неофициальных органов. Рассказать о нашей ситуации, о «попрании прав человека и семьи...». Потому что выехать разрешили только мне с дочкой и с родителями, но без Стахана (?!!).

Причиной якобы являлась связанная с государственными секретами работа его сводного брата, с которым он ни родственными (родители с 1952 года имеют разные семьи), ни дружескими узами не был связан.

Конечно, мы с родителями не уехали без моего мужа никуда. «Так я вам его и оставила одного на растерзание», – сказала я.

И написали эти сто писем. В которых говорили о нашем положении, о том, что мы уже несколько лет лишены работы и средств к существованию, о том, что наша дочь исключена из комсомола и из МГУ... и т. д. И о том, что в результате травли и угроз «неизвестными лицами», после очередного сердечного приступа умерла мать Стахана.

Эти письма мы разослали в редакции газет и журналов, на радио и телевидение.

На что мы рассчитывали?! Я не знаю. Но надо было что-то делать, и мы делали. Конечно же этот крик о помощи испуганные редакции тут же спрятали под сукно – не дай бог кое-кто увидит! И конечно же никаких ответов на это не последовало.

Это были письма в никуда.

Через полгода мы опять получили отказ на выезд. Опять!

И тут настала очередь других писем.

...Все это было, как из пушки по воробью. Вернее, как воробышком по пушке.

Но как эти письма попали сейчас в мой компьютер? Кто их переслал нам?! Спустя столько лет!

Значит, кому-то хотелось сохранить их для нас! Значит, кто-то знал, что люди помнят об этом времени и о нашей судьбе!

Во всяком случае, мы уж точно помним и не забудем.

Спасибо тебе, этот «кто-то»!

...Прошли годы. Долгие и нелегкие годы нашего выживания. Когда мы пытались как-то восстанавливаться. В жизни... на сцене... в профессии...

Сейчас мы уже – народные артисты России и других стран. Уже вручены нам высокие награды, ордена... Уже самые первые лица страны поздравляют нас с юбилеями...

И даже молодежь «охотится» за нашими песнями и издает многочисленные CD... А в Интернете больше 800 наших песен – прослушивают. И просматривают наши клипы. Многие из которых на наши песни кто-то сам и делает. Да и на центральных каналах ТВ нас часто видят в престижных передачах...

То есть интерес к нашим личностям не иссякает. Даже наоборот.

И я уже – член Союза писателей России. Издаются мои книги, и их прекрасно иллюстрирует сам Стахан Рахимов.

Уж е.

И Золотой юбилей наш прошел с должным успехом...

Что нам ЕЩЕ надо?!

Да ничего.

Но я читаю эти горькие старые письма, и мне стыдно. И больно.

Стыдно за то время. И больно за многих тех, кто не смог распорядиться своей и так короткой жизнью, как считал нужным. Кто должен был унижаться по любому вопросу и поводу. Всегда и во всем. От покупки в магазине мяса до выезда на лечение.

И чем больше нас «любили» сильные мира сего, тем сильнее и стыднее было наше унижение. Этим вершителям судеб было интересно видеть, как плачут перед ними известные народные любимцы! Совсем недавно независимые, уважаемые и гордые. Которые могли позволить себе даже отказаться от выступлений за ресторанными столиками начальника КГБ и других властей предрежащих и которые посмели послать к их матерям всю выстроенную для них самих такую сильную и такую гнилую систему.

Без подписи

И вот – снова находка. Снова – привет из прошлого. Муж разбирает архив нечасто. Но каждый раз что-то уникальное находит.

На этот раз – как бы телеграмма. Написана от руки.

«В связи с двадцатилетием совместной жизни и творческой деятельности, а также по случаю трехлетней годовщины со дня поступления от юбиляров первого заявления в ОВИР о выезде, коллектив УВИР УВД МОСГОРИСПОЛКОМА поздравляет ИОШПЕ АЛЛУ ЯКОВЛЕВНУ и РАХИМОВА СТАХАНА МАМАДЖАНОВИЧА и присваивает им звание заслуженных отказников РСФСР и Узбекской Республики соответственно.

Юбиляры награждаются очередным ОТКАЗОМ, в красочном подарочном исполнении, и памятным подарком – таким, чтоб всю жизнь помнили. А также – пожизненным правом посещения ОВИРа без очереди.

Коллектив РосМосОблКонцерта присоединяется к поздравлению и посвящает юбилярам исполнение популярных русских романсов: Рахимову С. М. – «Не уезжай ты, мой голубчик!» и Иошпе А. Я. – «Вернись, я все прошу!».

За заслуги в деле развития советского эстрадного искусства заслуженную артистку РСФСР Аллу Иошпе наградить памятной гастрольной поездкой в город КЫЗЫЛ-КУРГАН-на-АМУРЕ, на постоянное место жительства.

Учитывая особый вклад Рахимова С. М. в развитие национальных культур больших и малых народов Средней Азии и Ближнего Востока, предлагается переименовать РАХМАНОВСКИЙ переулок в г. Москве – в РАХИМОВСКИЙ. За находящимся там же рестораном закрепить и впредь название «Узбекистан». И организовать в нем проведение декады узбекско-еврейской кухни.

Дежурные блюда:

Суп-шурпа-хоменташ

Печень больная по-стахановски

Котлеты отбивные по-овировски

Среди отказников г. Москвы и Харьковской области объявить месячник СТАХАНОВСКОГО движения.

Так как в момент юбилея работники ОВИРа отсутствовали (в силу производственной необходимости, а также в связи с наступлением лыжного сезона), телеграмму подписал то ли Иванов, то ли Петров, по телефону.

Подпись неразборчива».

Да. Находка эта заставила вспомнить многое. И «нацию» отказников, и наше многолетнее молчание, запрет на нашу сцену...

Понятия не имеем, кто написал эту так называемую телеграмму. И понятно, что «подпись неразборчива». Кто рискнул бы подписаться под такой «телеграммой»?! Тогда?! Разве что – «самоубивец».

Ясно одно: автор хорошо знал нас и нашу ситуацию. И грамотный был человек, в теме. И спустя многие годы он решил напомнить нам о том смрадном времени. И сделал это с присущим еврею юмором.

Спасибо тебе, «то ли Иванов, то ли Петров»!

Нет добра без худа

Наше вынужденное молчание длилось долго. Мы изолированы, одиноки... Не знаем, чего ждем и что будет с нами дальше.

Мы – изгой.

Конечно, изгой. Не каждый в то время мог позволить себе объявить государству, что не хочет, вернее, больше не может жить с государством этим. И что есть причины, по которым человек хочет или должен уехать из этой страны.

Мы же «позволили» себе объявить это нашему государству.

И объявили.

А страна – наоборот, не желает с тобой расставаться. Оказывается, любит тебя страна очень. Любит! Выпустить – не выпускает, а жить не дает. Жить, как ты хочешь, не дает. Жить, как ты считаешь нужным, не дает. И работать не дает!!!

Ничего не дает.

Но любит.

И опасно с такими, как мы, не только дружить, но и просто общаться.

И многие боятся. Их можно понять.

И мы понимаем.

Но страшно не всем.

...Вечер. Мы сидим на нашей Конюшковской. В доме, который впритык к американскому посольству. Мы там живем. В доме этом. К удовольствию КГБ. Легче следить за нами. Там все равно все под наблюдением: и посольство США, и мы рядышком. Экономия.

В этот вечер у нас гости, вернее, гостя. Галина Борисовна Волчек. Замечательная артистка. Известный, талантливый режиссер любимого театра «Современник».

Для нас она – Галочка. Интересный, умный, добрый человек. Друг. Она-то уж точно ничего не боится!

Мы ходим на ее спектакли в театр. Поем ей наши песни дома – вернее, показываем наши записи. Концерты наши запрещены.

У Галины тоже времена не лучшие. Личные, семейные проблемы. Она грустная. Но вместе нам хорошо. Спокойно. Тепло, уютно.

Стахан плов сделал к ее приходу.

Вдруг Галине что-то понадобилось в своей машине. Машину, говорит, с трудом пристроила в маленьком закутке.

Она спускается вниз «на минутку» и тут же бросается обратно – «Машина! Угнали!!!».

Действительно, нет машины Галины Борисовны Волчек в этом закоулке! Надо срочно бежать в милицию, писать заявление!

Но не тут-то было.

Галина звонит другу – Володе Высоцкому.

– Володя, дорогой, приходи. У меня машину украли. Я у Аллы и Стахана. Ты их знаешь.

Володя приехал. Запыхавшийся. Встревоженный. Чем помочь?! – спрашивает.

– Да ладно. Вот – гитара. Спой лучше, Володичка!

– Только после плова, – возражает Стахан.

Сидели до глубокой ночи. Слушали песни, которые пел этот маленький хриплый человек. Ничего не существовало вокруг. Все исчезло. Нет семейных проблем. Ни запретов. Ни угроз. Ни КГБ... Ни пропавшей машины. Только стихи, музыка, напряженный ритм, голос... Удивительное внутреннее единение всех нас.

Это была наша первая встреча с Владимиром Высоцким в нашем доме. Перед этим, когда мы еще не были «изгоями», мы встречались в общих концертах, ездили под Москву на его концерты, приходили на его спектакли на Таганку...

Но эта встреча была совсем другой.

Нет худа без добра! Вернее – добра без худа.

Если б не пропала машина, тогда Галина Борисовна не позвонила бы Володе Высоцкому и... Не было бы такого потрясающего вечера, этой незабываемой встречи, немного успокоившей наши встревоженные души...

А машина нашлась. Оказалось, Галина Волчек совсем в другом месте ее припарковала.

Этот вечер запомнился навсегда.

Отпуск

Не сидится нам на одном месте. То ли – привычка к постоянным дорогам гастрольным, то ли – наши характеры?

Наверно, и то и другое.

Поэтому и в отпуск – куда-то обязательно на природу. Не в санаторий какой-нибудь, где все «инклюдит», все включено бесплатно, то есть – на халяву. Просто нам обязательно надо, чтоб спешилось, ехало, и с неожиданностями, и на колесах желательно. Тем более что и «мотор» уже недавно появился. Наконец-то и у нас автомобиль. Настоящий! Первая в жизни машина!!! Новый красавец «запорожец».

– Надо его срочно обьезжать, – заявляет Стахан.

– Он что – конь? – спрашиваю.

– Конь. Даже много коней.

И гордо объявляет число лошадиных сил этого «гиганта».

«Конь» рвался в дорогу.

И мы отправляемся в свой первый автопробег.

Вернее, автообъезд.

Выехали в Сочи.

Нас четверо. Мы с мужем, дочка и Владимир Васильевич. Танюшка маленькая. Пять лет.

Владимир Васильевич – потрясающий друг, потрясающий главный травматолог СССР, потрясающий... Всеобщий любимец.

– Еду с вами. Вас нельзя отпускать одних. Вам веры нет.

Инна Михайловна, «мадам», жена его, осталась «в лавке». «Гнездо сторожить». А «этот» – с нами.

Ехали целый день. Перекусывали на завалинках: у нас с собой было.

На второй день решили «пилить» до упора, чтоб назавтра пораньше приехать. Куда именно? Где остановимся? Точно еще не знали.

– Разберемся, – сказал гениальный хирург, молодой доктор наук, профессор Владимир Васильевич Кузьменко.

Но пришлося заночевать на дороге. Не доезжая до места назначения. Поздно вечером выбрали место для ночевки. На пригорке. На лужку. Сеном пахнет и еще чем-то... Природа, в общем.

– Итак, начинаем отпуск, – торжественно объявляет В. В.

И – у нас с собой было. У Владимира Васильевича, вернее. У него всегда с собой было.

Устроились на ночлег.

Мы с Танюшкой – на раскладушках. С собой в багажнике две маленькие привезли. Стахан – в машине. В. В. тоже.

Дочка уснула.

Я пытаюсь.

Мужики курят. И не только. «Запасы» Владимира Васильевича уничтожают. Решают жизненные проблемы мирового значения. Философствуют на природе.

...Рассвет наступил неожиданно. Я проснулась – ничего понять не могу. Вместо нежного зеленого лужка, на котором мы заснули, что-то черно-серое, шевелящееся и блеющее...

Господи! Стадо! Козы! А мы – в самом центре их! В середине – мы с Танюшкой, ребята – чуть сбоку.

Козы медленно перемещаются. Травку жуют.

Мы козам не мешаем.

– Мамочка! Что это?! Кто это?! – раздается испуганный голос дочери.

– Доченька, не бойся, это козочки пасутся. Мы на их месте устроились.

Козочки живут своей жизнью.

– Мам!!! Смотри, смотри! Дерутся! Одна даже на другую залезла, кусается!

Боже! Какое счастье для Владимира Васильевича!

– Они не дерутся, – со знанием вопроса серьезно объявляет профессионал.

Я вжимаюсь в раскладушку.

– Они детей делают, – объясняет со знанием дела В. В.

– А-а-а, – задумчиво тянет Танюшка.

К счастью, к нашим раскладушкам направляется молодой любопытный козел. Смотрит на Танюшу. Она – на него. Тоже с любопытством.

Вопрос о «кусающих» козлах отложен.

Но это я так думаю.

– Дядя Володя, – обращается Танюшка к компетентному дяде Володе, – а когда у них появятся маленькие детки?

– Скоро.

– Дядя Володя, а вы тоже кусаете свою тетю Инну?

– А то как же, – важно отвечает невозмутимый дядя Володя, нарезая колбаску для завтрака.

– И вообще, вырастешь, заходи. Объясню все подробно, – пообещал он.

Стахан говорит козлам «фу». Это относится и к Владимиру Васильевичу. Козлы недовольно отходят от наших раскладушек. Смотрят искоса и со стороны.

Я раскладываю на салфетке оставшуюся провизию.

«Завтрак на траве». С козлами.

Позавтракали.

Складываем манатки.

Поехали.

Танюша все оглядывается назад.

...До Сочи добрались только к вечеру. Где остановимся – неизвестно.

– Не волнуйтесь. Все беру на себя. Устрою все наилучшим образом, – уверенно заявляет профессор Кузьменко. – Будете довольны.

И добавляет гордо:

– У меня везде пациенты. Кого я только не резал!

Решили подъехать к автовокзалу. Наверно, там предлагают жилье на отпуск.

В. В. подходит к какой-то местной женщине. Выбрал посимпатичней. Пошептал ей что-то на ухо...

И – «все устроил».

Мы попали в крошечную каморку из одной кровати, с кривой тумбочкой – на втором этаже. Крутая лестница из полусломанных деревянных ступенек... Прямо под крышей. Что-то типа голубятни.

Но без голубей.

– Красота, правда?! Танюшку – на раскладушку, – заговорил Владимир стихами.

– А вам двоим – места хватит в углу. Завтра переселю в люкс, – пообещал он.

Где ночевал он, нам неизвестно.

Но наутро любопытная Танюша поинтересовалась:

– Дядя Володя, а вы где спали?

Дядя Володя показывает рукой в сторону хозяйкиного домика. Там.

– Дядя Володя, а там же тетя спит!

– А я – над тетей, – отвечает он между делом, пытаясь раскурить на морском ветру сигаретку.

– Вы тоже детей делали? – обрадовалась Танюшка.

– Не успел, – не моргнув глазом честно признался дядя Володя.

Завтракали прямо на пляже. Потом – в море! Первое купание. С ожесточением смывали с себя дорожную и московскую грязь.

И – первый за год загар.

Нежились.

Ночью, уложив Танюшку и убедившись, что ребенок крепко уснул, опять спустились к морю. Благо оно тут же. Под ногами.

Никого. Торжественно тихо. Только о чем-то, по секрету, шепчутся волны. Лунная дорожка серебром режет море... песок горячий...

Боже, какая красота! И умиротворение!

Так не бывает.

Но так было.

– Надо отметить, – нарушил тишину профессор.

И удивил. С собой у него было: бумажная скатерка, три маленькие хрустальные рюмочки (откуда?!), блюдце и огурец. Молча, торжественно, он все раскладывает на «столе». Хирургическим скальпелем аккуратно разрезает на дольки огурчик. Наполняет откуда-то взявшимся «божественным напитком хирургов» хрустальные рюмочки... Блаженно вздыхает и провозглашает:

– Вот теперь – начали! Все! За отпуск!

Мы купались, загорали... Я, естественно, обгорела... И лечилась по рецепту известного профессора В. В. – «завяжи и лежи». А когда я действительно лежала, вопреки аллопатам обмазанная сметаной, и тихо постанывала, его «что лежишь, как в Мавзолее?» почему-то облегчало страдания.

...В этой голубятне мы прожили весь наш отпуск. Все запланированные двадцать дней.

Когда другие не могут...

...В другой раз для отпуска мы выбрали Прибалтику.

Это было давно, поэтому проблем еще не было: с визами и прочими шенгенами.

Тогда нас пригласили в пансионат от какого-то предприятия какие-то поклонники. Куда-то под Вильнюс. В лес.

– Там никто вас не потревожит. Еще не сезон. А мы вам создадим все условия. Тихо. Красиво. Баня. Ягоды. Одна красота. Будете в сказке.

Выехали втроем, уже с двенадцатилетней Танюшкой.

Красота действительно была. И баня в бревенчатом деревянном доме... И ягоды в све-
жезеленом лесу... Пахнут одуряюще... И Булгаков с «Мастером и Маргаритой», которого
с упоением читала нам вслух наша Танюша. Свесившись с верхней кровати, как в поезде.
Всеми вечерами читала. Постоянно.

И не было, да и не нужен был телевизор. С его новостями, известиями, да и концертами
эстрадных артистов, которые мы и так уже знали наизусть.

Это было еще то благодатное время, когда дочка ездила с нами в отпуска. Это было и то
время, когда мы после сумасшедшей гастрольной жизни нуждались в уединенном отдыхе.
Отдыхе от людей. Даже знакомых. Уж больно много сил и энергии мы тратили на наши
дороги и выходы к нашим зрителям. На сцену и подготовку к ней.

А истопник, который через день топил нам баню, был в радость. Топил и молчал. Хоро-
ший истопник.

Время от времени мы ездили по узкой, шириной в один небольшой автомобиль, мало-
проезжей дороге в деревню. За изумительными молоком, маслом, творогом... Если повезет,
то и за курицей.

И были в сказке.

Но, если б было все только так, как сейчас рассказано, не было бы этого рассказа.

После бани Танюша с папой любили поиграть с мячом и друг с другом. Что-то типа
тенниса. Даже ракетки где-то надыбали мои «спортсмены».

И вот как-то после одной в полном смысле очень жаркой бани отец так сильно ударил
по ракетке, что выбил плечевой сустав. Эта рука давно была проблемная. Боль была нестер-
пимая. Адская.

Мы в лесу одни. Стахан вести машину не может. Да и куда ехать?! В какую больницу
и где она?!

И я сажусь за руль.

Я вообще-то машину уже пробовала водить. Но не одна. И не по таким дорогам. И не
по неизвестным направлениям. А мужу плохо. И почему-то спину стало сводить...

Танюшу оставили в лесном пансионате. Одну! «Запрись, читай и ничего не бойся».

Сама – за руль. Стахан сзади. Лежит. Стонет. Корчится от боли.

Вырулила на какую-то дорожку. Потом – на дорогу. Потом на шоссе. В сторону Виль-
нюса. А куда же еще?! Ведь больница в городе нужна и врач нормальный...

Не помню, как почувствовала, в какую сторону надо.

А он уже почти кричит. А потом и вовсе:

– Останови, останови машину!

Резко торможу. Он выполз на землю. Катается по земле, криком кричит от боли...

Господи, как же быть? Что мне делать?!!

На дороге никого. Сердце сейчас вырвется или лопнет...

И вдруг – автобус!

Я – наперерез автобусу.

– Стойте! – кричу.

А дороги в Прибалтике прекрасные и скоростные... А автобус большой, тяжелый, пассажирами переполненный...

Как водитель увернулся?! Успел в сторону подать. На такой-то скорости!

Люди в автобусе, наверно, попадали. Выскочили на дорогу. Наверно, хотели убить меня.

Но... увидели бледную, дрожащую женщину... бьющегося на земле человека...

Я только и смогла:

– Помогите.

И еще:

– Где больница?! Скорей!!!

Люди на руках втащили его в нашу машину, кто-то – рядом со мной, дорогу показывать...

...В больнице кололи, обезболивали... уже и не помню, что еще.

...А там, в лесу, где «никого и красота», одна наша девочка. Ребенок. И начинает темнеть. А темнеет там мгновенно. Да так, что – ни зги.

И выручает, как всегда, основной тезис всей моей жизни – «Когда другие не могут, я должна». «Другие» в этот день – не могли.

Не помню, как я нашла, как добралась до того самого леса, до пансионата того самого... Как между огромными соснами пробралась к нашему домику, к самому крыльцу... Спокойно (как мне тогда казалось) разбудила уже заснувшую дочку, мы с ней быстро собрали вещи, покидали все кое-как в машину...

А машина-то стоит передом к домику, а значит, задом к тропинке, по которой я и передом-то еле-еле проползла! А тут – еще и темно...

Но – когда «другие не могут...», а поскольку «других»-то и не было, пришлось выделять неопишуемые балетные па на нашем «коне»... задом.

Как хорошо, что у нас еще не было, как у большинства артистов, модной в то время «Волги». Об этом я подумала уже позже.

Короче, я все-таки нашла обратную дорогу, город Вильнюс, ту больницу с моим больным мужем. Нам разрешили даже переночевать с Танюшкой в какой-то комнатке при больнице.

А на завтра надо было что-то решать. Мест в гостиницах нет – сезон. Мужу боль-то сняли, но надо еще лежать, что-то со спиной...

И надо в Москву.

Утром рванула на московский вокзал. С трудом купила два билета – едут не только сюда, но и отсюда. Сказала ж – сезон.

Забрала больного из больницы под расписку и посадила свою любимую парочку, мужа и дочку, на поезд Вильнюс – Москва.

Перед этим, еще в больнице, попросила разрешения сделать два звонка в Москву: нашим друзьям Кузьменкам – чтоб встретили моих с поезда. И приятелю Витальке, верному и безотказному инженеру-математику, которого я, на правах «опытного водителя», учила недавно водить приобретенное им авто. Сказала, чтоб срочно летел в Вильнюс. На выручку. Одна за рулем такую длинную дорогу Вильнюс – Москва я бы не преодолела.

Хотя, кто знает.

...Виталька прилетел в тот же день. Вернее, вечер. Я ждала его, как договорились, на стоянке в аэропорту.

Мы выехали домой. В Москву. Наконец-то.

Машину, конечно, веду я. Еще слишком рано сажать моего ученика за руль на такой дороге, неизвестной, дальней. А я – уже могу!

Дорога шла через Ленинград. Нормальные люди, которым надо в Москву, в город не заезжают. Едут напрямую.

Но не я. Я понимала, что надо разбить дорогу на две, хоть и не равные, части. Чтоб хоть как-то отдохнуть перед рывком на Москву.

...До города на Неве добрались под утро. Долго искали адрес Виталькиной тетки. Она очень удивилась, узнав во мне «известную, любимую» и так далее. Приняла тепло. Щебетала и все хотела кормить.

Но все-таки мне удалось поспать несколько часов. Виталька, зараза такая, выпавшийся в дороге, пока я была за рулем, трепался с родственниками.

...Мы долго плутали по Ленинграду. Где дорога на Москву?! И я все возмущалась: как это, на Москву! – и нет указателя?!

Останавливаясь и спрашивая случайных в такую рань прохожих, где Москва, я все-таки вынырнула на московское шоссе. И то – мне просто махнули рукой:

– Езжай туда, Москва там.

– Неуважение какое-то, – проворчала уже уставшая я. Уставшая от пережитых волнений, от постоянного поиска дорог... от всего.

Ехала я долго. Осторожно. Но быстро. Уставали руки – так вцепилась в руль. И спина. И глаза – так уставилась на дорогу. Все-таки впервые у меня такое. И дорога такая длинная, где я – одна за рулем. Виталька не в счет. И перед этим: спринт почти в 100 км в каждую сторону между городом и забытым где-то в лесу пансионатом. И это ощущение безысходности... напряжение и жуткий страх за самых близких... И необходимость срочно решать, решать одной...

Я не спала больше суток. Дорога от Ленинградского шоссе до моей Красной Пресни, этот последний рывок, показался мне вечностью.

Мои меня уже ждали. Но я тут же свалилась спать.

Владимир Васильевич хотел разбудить. Его обычное «что лежишь, как в Мавзолее» прервал муж:

– Не трогай ее. Пусть спит. Она очень устала.

Когда другие не могут...

Привет от Анны Герман

Если есть на свете святые люди, так это она. Анечка. И голос у нее небесный. И характер удивительный: спокойный, выдержанный, деликатный...

И вид ангельский. Чистый.

Скажете – не бывает такого?

Бывает.

Это ощущение возникло у меня сразу, как только я услышала ее святую песню «Эвридики». По старому телевизору КВН. И это осталось на всю жизнь.

Позднее мы познакомились. В Польше. На знаменитом музыкальном фестивале «Зелена Гура».

Фестивальный конкурс проходил в большом открытом зале. Конкурсантов много. И есть артисты, приглашенные, как и мы, в качестве почетных гостей фестиваля.

Мы – представители от СССР.

Все гримировались и переодевались в специальных костюмерных, легких, летних, почти палатках.

Анна Герман увидела нас за кулисами. Мы поздоровались как старые знакомые, и она сразу же пригласила нас в свою палатку. Она знала, что мы из России. Потому, наверно, и пригласила.

У нее были особые отношения с нашей страной. Она, русская немка, очень любила Россию. Это была вторая, а может, и первая ее родина. Но мама Ани ни за что не хотела жить в Союзе. Там когда-то был арестован и расстрелян ее муж. Отец Анечки.

Но именно в России был самый преданный и многочисленный зритель Анны Герман. И еще – в России была ее лучшая подруга. Тоже Анна. Музыкальный редактор фирмы грамзаписи «Мелодия» Анна Николаевна Качалина.

Анна Николаевна помогла многим певцам реализоваться. Пластинки, выпускаемые этой фирмой, быстро делали многих из нас популярными. Как сейчас сказали бы, «звездами».

Анна Качалина обладала удивительным музыкальным вкусом. Она никогда не ошибалась. Выбор артиста и песни был всегда в десятку.

Впервые Анна Николаевна Качалина подошла к нам за кулисами Театра эстрады, после нашего выступления на конкурсе артистов эстрады. Она сразу же предложила нам записать на пластинку песню, которую мы там спели. Это была «Журавлиная песня» Володи Борова. А вскоре вышла на «Мелодии» и наша целая пластинка. Первая.

...Две Анны подружились сразу. И на всю жизнь. Они даже были похожи. Обе очень высокие, очень приветливые, каждая по-своему талантлива...

Анна Герман стала часто приезжать к Анне Качалиной на запись новых песен. И просто – в гости.

...Недавно, спустя много-много лет после того как Анечки не стало на этой земле, Анна Качалина передала нам ее письмо. Оно было адресовано Анне Николаевне. И было написано сразу после нашего посещения семьи Анны Герман в Варшаве. Тогда мы прилетели в Варшаву на телевизионную съемку, и Анечка пригласила нас к себе в гости.

Нас тогда удивило ее скромное жилье. Крошечная «двушка», но как там было тепло и уютно! Спал малыш, Збышек-младший. Збышек-старший хлопотал на кухне... Казалось, мы всегда дружили, а не впервые пришли в гости в этот дом.

И вот – письмо, которое попало к нам в руки спустя многие-многие годы.

«5 марта 1976 года. Варшава

Дорогая Анечка!

Только попрощалась с Аллой и Стаханом. Мы посидели, поговорили, как будто мы всю жизнь были друзьями. Во всем мы поняли друг друга. И даже Збышек все понял. Если не слова, то сердцем. Очень было хорошо – так легко и тепло. А мне казалось, что я побывала в Москве и вот-вот ты постучишь в дверь и войдешь к нам. И только наш Воробушек подкачал. Взял и не проснулся. Алла и Стахан посмотрели на него, только как он спал, и потом нас поругали, что ребенок голодный, – он, когда спит, делает вид, как будто кушает что-то вкусное.

Весит он уже 9 кг, сегодня ему 101 день пошел. У меня уже мускулы на руках растут – ведь я его ношу, поднимаю, одеваю, мою и т. д.

Пока здоров и весел – ест, разговаривает со мной по утрам и очень приятно смеется.

Анечка, большое тебе, огромное спасибо за пластинки. Збышек-старший сразу же спрятал пластинку со «Стенькой» и сказал, что никому не даст! Вот как.

После сегодняшнего вечера с Аллой и Стаханом я опять в хорошем «рабочем» настроении. Что значит встреча с хорошими людьми!

...Сегодня уже завтра. На ногах я с четырех ночи. В пять после обеда бегу на муки к зубному, а потом передам нашим друзьям Алле и Стахану маленький сувенир для тебя.

Целую крепко и очень жду весну и тебя.

Твои я и Збышки».

В этом письме – вся Анечка Герман. Ее теплота, доброта, внимание и нежность.

...И вот спустя годы происходит нечто удивительное и очень странное.

У нас – сольный вечер в Москве, в одном из домов офицеров. Зал полон военных курсантов.

Вначале спел Стахан. Потом выхожу я и начинаю петь одну простенькую песенку. Я ее почти никогда не пою, но тут...

В песенке – припев: «Любит – не любит, любит – не любит, любит – не любит, придет – не придет...» И, как только я начинаю петь это «Любит – не любит...», перед моим лицом что-то мелькает. Какая-то тень... И опять... и опять... Что-то кружится вокруг лица! Мне показалось, что это что-то вроде птички.

Припев я продолжаю, крутя головой, отмахиваясь от этого «что-то»...

Зал притих.

Припев кончился. Бабочка, а это оказалась огромная бабочка, улетает вверх, куда-то под потолок. Исчезает.

Я продолжаю петь. Во время запева, где, естественно, совсем другая мелодия и слова, чем в припеве, – все нормально. Никто не летает. Никто вокруг меня не кружит.

И я успокаиваюсь.

НО... как только снова начинаю припев – «Любит – не любит...»...

Летит! Опять летит! Кружит!!! Опять эта бабочка – кружит вокруг моего лица!!!

Зал уже хмыкает. Вот уж и смехом давится...

Я останавливаюсь.

Бабочка улетает.

Что делать?! Как выйти из ситуации?!

И я говорю:

– Раз бабочке так понравилась эта песенка, давайте начнем ее еще раз.

В надежде, что ничего не произойдет, начинаю песню снова.
Пою запев – все нормально. Нет бабочки, слава богу.
Начинаю припев: «Любит – не любит, любит – не любит...»
О господи! Летит!!! Опять летит, опять кружит!!!
Вот тут уж зал гогочет в голос. У меня течет тушь с ресниц, я уже не в состоянии петь...
А тут, в довершение ко всему, конференсье Алик Писаренков, сволочь такая, начинает кружиться в такт музыке и бабочке, вертится вокруг меня... Вместе с бабочкой размахивает руками, как крыльями... летает!!!

Короче. Что тут началось...

В зале истерика, музыканты умирают от хохота... я в слезах и туши...

Занавес закрывается.

Подбегает дама, директор Дома офицеров:

– Это невероятно! У нас такое только однажды произошло!! Тоже зимой, когда на сцене пела Анна Герман! Какая-то фантастика!!!

И добавляет, что «какие-то обертона ваших голосов схожи, наверно, вот они и будят уснувшую на зиму бабочку».

Анны Герман тогда уже не было на этой земле.

Все это было очень, очень странно.

Но это – было в действительности.

Почему я об этом вспомнила?

Потому что странности не закончились.

Не так давно нас приглашает Первый канал ТВ на программу «Достояние республики». На этот раз программа посвящена Анне Герман. Незадолго до этого на канале прошел многосерийный фильм об этой необыкновенной певице и замечательном человеке. И на передачу были приглашены создатели и артисты этого фильма.

А также те, кто при жизни был хорошо знаком с Анечкой.

Все рассказывали о съемках, об артистах, об Анечкиной героине...

Мы же – о нашем знакомстве, о встрече в их доме в Варшаве... А потом – и об этой удивительной истории с бабочкой на нашем концерте много лет назад.

Все слушали с большим вниманием и интересом. Но – казалось, никто не поверил. И телевизионная программа пошла своим ходом. Все продолжали рассказывать про кино, про встречи...

И вдруг вскрикивает молодая актриса, та самая, которая в кино сыграла Анну Герман.

– Смотрите, смотрите!!! Что это?! – кричит.

А на плече ее – огромная бабочка! Так похожая на ту, на «мою»!!! Много-много лет тому назад проснувшуюся в самый мороз, во время моей песни...

Все были в шоке.

Хорошо, актриса успела сфотографировать бабочку на своем плече на мобильный телефон. Для доказательства.

Вот так.

Как это понять? Откуда?! Здесь?! В студии?! Зимой?! Бабочка?! Опять?!!

Правда, перед этим, по просьбе зала, эта молодая актриса, сыгравшая роль Анны Герман, спела ее песню.

А судьи кто?

Для всякого важного решения надо иметь, как говорят зарубежные друзья, second opinion. Второе мнение, значит.

А то и третье. А то и...

В зависимости от важности вопроса.

Да и в старой поговорке – недаром: «семь раз отмерь...». А я бы сказала – семь раз проверь. А то ведь и промахнуться можно! Ошибиться. И как потом разобраться, почему и кто виноват?!

Вы скажете, чего умничать?! Позаканчивали свои университеты, позащищали своих кандидатских диссертаций – и рассуждаете!

Это – про меня.

Ну да ладно. Обо всем об этом – потом. Как любит говорить писатель Антон Чиж.

А сейчас – про другое.

Звонит дочь. Она – в шоке. Хоть и не звезда.

– Мам, кому могла прийти в голову эта идиотская мысль?

– Что за мысль?

– Да запретить детям лучший мультик двадцатого и всех столетий! «Ну, погоди!» теперь нельзя будет смотреть до 18 лет!

– Не может быть, – отвечаю. – Это шутка, наверно, какая-то.

– Не шутка, – говорит дочь.

– Ну и кто же до этого додумался?

– Думовцы додумались.

– С ума посходили?! Чем мотивируют?

А тем мотивируют, что в фильме этом волк курит! А бандиты – пьют!!! Говорят, плохие примеры. С купюрами, если вырезать курящего и пьющего волка, тогда смотрите, дети! А без купюр – только взрослые. Поэтому – после 11 часов вечера!

Так это же хорошо, что показывают, как плохие звери и очень плохие дяди курят и пьют! Ведь не хорошие же мальчики и девочки, и не хорошие собачки!

А как же большинство фильмов с такими «дурными примерами»?! А наши излюбленные детективы на ТВ?! Где ВСЕ пьют-курят. Да с таким восторгом и удовольствием употребляют!

Дети – что, этого не смотрят и этого не видят?!

А как же в любимом фильме про белозубого следователя?

Значит, взрослым – можно, а детям нельзя даже на это посмотреть?! А ведь дети – умней нас. И если б они росли в нормальном обществе и имели бы возможность выбора, они, может, и расценили, что – хорошо, а что – не очень.

Правда, если – в нормальном обществе.

Спросили бы лучше у народа, о чем душа и ноет, и болит. Так ведь точно же не о курящем волке!

Тогда – зачем! Других проблем нет у Думы и думовцев?!

И вообще – а судьи кто?

...Как только мы начали встречаться с моим будущим мужем и уже было понятно, что это всерьез, вокруг пошли разговоры. Прежде всего, говорили, что мы не пара. Ну – не пара, и все!

Ему твердили – зачем тебе?! Она не узбечка совсем даже, московская девчонка, избалованная!

На что мой будущий отвечал, что он тоже избалованный...

И мне говорили, что он не тот, кто мне нужен в жизни. И вообще...

– Алла, ты не обижайся, сидела бы ты со своим Володькой! Он любит тебя с детства, знает все твои заморочки... Да и вообще, этот – чистый узбек!

– Но ведь чистый же! – смеялась я.

И не слушала никого. Старалась не слушать.

Другие – совсем наоборот говорили:

– И как же хорош этот твой узбек! Потянешь такого? Смотри, у него девок, небось, туча тучная! Справишься?!

Я опять смеюсь. И пою:

– А я любую тучу руками разведу.

Что и кто говорил ЕМУ, я не знала.

Но спустя много-много лет выяснилось, что одна моя родственница, близкая, очень даже, хотела испугать моего будущего супруга. Делала все, чтоб мы сразу же расстались:

– Она же больная девочка! Тебе это надо? Ты сможешь когда-нибудь полностью посвятить себя больной женщине?!

Представляете, каково было ему слышать это?!

Я не знала про этот разговор. А он не рассказывал. Я вообще узнала про это спустя много лет. Когда расставаться было уже поздно.

Значит, не испугался.

Здоровая – не здоровая... потянешь – не потянешь...

Если любишь, какое это все имеет значение?!

А что касается моего здоровья, то, как говорили те, кто хорошо знал меня:

– Да она любого здорового за пояс заткнет, догонит и тут же перегонит! Столько энергии, такая работоспособность! За ней вообще не угонишься!

Много позже муж рассказал: к нему на улице подошел незнакомый человек. С претензией подошел:

– Как же так получается?! У вас такая красавица жена, глаз не оторвать! А вы... – разочарованно протянул он.

И добавил:

– А она столько лет смотрит на вас влюбленными глазами!

А «она» так смотрит на него всю жизнь. И для «нее» он – самый молодой, талантливый и самый красивый.

Так почему – так? Так по-разному?! И ведь каждый убежден в своей правоте!

Почему?!

Все дело во вкусе, скажете?

Нет.

Не знаю.

Наверно, люди не только по-разному видят, но и чувствуют по-разному.

...Две зрительницы на концерте обсуждают одну и ту же совсем молоденькую певицу.

Доброжелательная:

– Смотри, какая девочка! Худенькая, трогательная... Руки, как крылья, бабочка просто! Голос хрустальный, чистый! Смотри, даже на цыпочки встает, чтоб голос к небу... Молодчина!

Недоброжелательная:

– Смотри, какая тощая! Не волосы – лохмы. И платья почти нет! Почти голая! А локоточки-то острые, а ручки... дрыгает ими туда-сюда, не понимает ничего ни в песне, ни в музыке. Смотри, смотри, на цыпочки встает, чтоб ее задние ряды видели... Бедная.

Добрая:

– Хорошая песня! Мелодия новая, необычная, а красивая! Нежная песенка.

Злая:

– И ты это называешь песней?! Это нытье какое-то! Ужас, что с эстрадой сделали!

Так и в жизни. Одному – так, другому – наоборот.

И от чего же все зависит?!

Все зависит от того, кто ОЦЕНИВАЕТ! От его вкуса, настроения, а главное – от его характера зависит. И прежде всего от того, что собой представляет сам оценщик: оптимист он или пессимист.

Пессимисту – и солнце не так светит: слишком ярко, слепит глаза, режет...

Оптимисту же – солнце в радость, оно настроение улучшает... Одна красота!

Пессимисту жара – это духота, дышать нечем.

Оптимисту же – тепло, уютно, ветра нет... Нет ветра – суставы не болят!

Вот так во всем.

Может, как-то сделать, чтобы все оптимистами стали?!

Никак не сделаешь. На это жизнь не запланирована. Она, жизнь, говорит, как оптимист: поживем – увидим.

На что пессимист обязательно ответит, что может и не дожить.

А действительно, чтоб увидеть, пожить надо. А уж там и посмотрим, кто из нас оптимистом будет!

А кто – так. Как-нибудь.

Хоть и стара присказка, что для пессимиста стакан наполовину пуст, а для оптимиста – наполовину полон, но точна.

Оптимист – про пессимиста:

– Он-то хороший человек, только жизнь не проста.

А пессимист – про оптимиста:

– Дурак дураком!

Неожиданная песня

Композитор и поэт Слава Малезик получил в подарок мою книгу «В городе Белой Вороны». Он прочитал ее сразу. Звонит, говорит восторженные слова... А на Малезика-то это не очень похоже – он довольно сдержанный товарищ.

И вдруг присылает СМС. В стихах присылает.

Твою «Белую Ворону»
Я поселил бы в Книгу Красную,
Твои сказочки-рассказики
Сочиняла не напрасно ты.
Что за точность описания
Дел, поступков и характеров!
Вспомнил, ты же – психоложица!
Ну а мне вот так – не можетя!

С почтением В. Малезик

Надо же! Вспомнил, что я по образованию – психолог, «психоложица», значит.

И тут же написал песню.

На мои стихи, которые были в этой книге. Стихи называются «Опять зима». И, не удержавшись, Слава сразу же стал петь и играть только что родившуюся песню на гитаре.

По телефону прямо. Несколько раз подряд пел и играл.

В результате – мы ему уже подпевали. Естественно, тоже по телефону.

Нам понравилось.

И на нашей Золотой свадьбе, которую мы все-таки решились отпраздновать в красивейшем зале Москвы, в отеле «Ритц-Карлтон», Малезик спел эту песню нам и обществу.

Я пела вместе с ним.

Припевом песни Слава сделал последнее четверостишие моего стихотворения:

Мне холодно,
Скорей меня согрей,
Но в онемении
Застыли руки речки.
И лишь продрогший
Хрупкий воробей
Прилип к стеклу,
Как к русской печке.

...Позднее, на нашем юбилейном концерте в Театре эстрады, мы со Славой спели эту песню уже дуэтом. Фактически это была премьера. Зритель насторожился. Дуэт был не со Стаханом Рахимовым! К этому дуэту зритель был не готов.

Но успех был большой.

Вскоре нам позвонил незнакомый человек, который, оказывается, посещает все наши концерты и знает большинство наших песен.

– Я обыскал весь Интернет! Искал вашу потрясающую новую песню. Про зиму! Вы недавно пели ее на вашем юбилее. И не нашел нигде! Как же быть?!

И эту песню, как выяснилось, ищет не он один.

Позднее Слава выпустил новый альбом, где была эта песня. И он еще поет ее в концертах.

Да и я – тоже!

Славочка Малежик, ты просто молодец! Спасибо тебе! Ты своей (нашей!) песней сделал мне потрясающий подарок.

И мне, и нам, и многим.

Иначе эти стихи так и остались бы только стихами.

А так – ПЕСНЯ!

Что заслужили

Мы пережили многих царей. И в эпоху каждого наша жизнь менялась. В ту или совсем в другую сторону.

Чаще – в другую.

Иногда – в обратную.

Наше детство и ранняя юность выпали на эпоху товарища *Сталина*. И раннее детство – на войну.

Помню – плачет мама. Немцы уже под Москвой. И нас, детей, эвакуируют вглубь страны.

Сестру – со школой. Меня – с детским садом.

Уже потом мама с трудом находит каждую, собирает вместе. Эвакуируемся в Бузулук. На юг Урала.

...Война кончилась. Мы как бы победили. Да, мы победили. Но – вся улица в инвалидах.

– Мама, а почему все так радуются?

– Доченька, война кончилась! Победили мы, понимаешь? Победили!!!

Я маму засыпаю вопросами:

– Мам, а почему тогда люди плачут?

– А почему так много раненых? И безногих много почему-то?

– Мам, почему так мало дяденек здоровых? Они что, еще воюют?

Мама молчит.

А потом:

– Это – и великая, и горькая победа. Но если б не она, нас с тобой уже не было бы. Ведь мы – евреи.

– А что, все другие бы были, только евреев не было б?

– Нет, доченька. Тоже не все бы были. Но мы в особенности.

Долго помнила ее слова.

И помню до сих пор.

Все еще Сталин. А уже школа. На перемене староста класса разносит в белой наволочке теплые ароматные бублики. Пахнут.

Уже есть зачем в школу ходить.

О войне много говорят. По-разному рассказывают.

У одной девочки дедушка воевал. Хотели его в школу пригласить, рассказать о СВОЕЙ войне. Он отказался. А внучке говорит:

– Не могу рассказывать. Много боли и грязи было. Много беды.

А у одной бабушки спросили, какой был самый счастливый день в ее жизни. Она говорит, что тот день, когда ей разрешили пойти медсестрой на фронт. Так и сказала.

Имя Сталина везде. Мы поем о нем песни. Учим стихи.

И успеваем с его именем вырасти.

И мы уже – подростки.

По-прежнему мальчики и девочки учатся отдельно. В разных школах.

И вот уже – причащение к творчеству: школьный театральный кружок и спектакль. Моя первая сцена. На первом школьном вечере с мальчиками.

Чехов. Я – Маша в «Трех сестрах». И Татьяна Алексеевна в «Юбилее». И – стихи со сцены. Много Пушкина.

...И вот мы уже почти взрослые.

В это время умирает вождь.

Страх и растерянность. Как жить?! Что нас всех ждет?

Похороны. Людское месиво на Неглинке.

Гибнут люди. Много людей. Вождь в своем репертуаре. Берет с собой.

На похороны мы с Володькой не пошли. Нам некогда. У нас – любовь.

Потом – **Хрущев**. Оказывается, была оттепель.

Везде сажают кукурузу. Она у нас не растет. Все равно сажают. Насильно. Вождь хочет кукурузу. Любит.

Тогда же скандал с художниками. С писателями.

А Гагарин летит!

А я рожаю дочку. Танюшку.

Хрущев щедрый – Крым подарил Украине. На заседании Президиума. Между прочим. Без обсуждения. «Есть мнение...» – и все.

Когда он был уже на пенсии, пригласил к себе Владимира Высоцкого. Пообщаться хотел.

Володя спросил, почему он так художников гнобил.

Хрущев ответил, что он же крестьянин! Не разобрался. Так ему докладывали. Сказал, сожалеет.

Жаль, не раньше и не вовремя.

Во времена **Брежнев** а мы были уже вместе с моим другом, партнером, мужем. Со Стаханом. И мы уже – солисты Москонцерта.

И тогда же – наши первые настоящие зарубежные гастроли. Африка. Австралия. Новая Зеландия...

Тогда же стали отпускать в эмиграцию евреев. Повальная эмиграция. Уезжают друзья.

И мы – туда же! Пробуем. Здоровье требует. Появилась надежда.

С тех пор вся наша жизнь и разделится на ДО и на ПОСЛЕ.

В марте 1979-го подаем документы в ОВИР.

Нам – отказывают. Формулировка «убедительна»:

– Вы слишком много сделали для своей страны, чтоб вами рисковать!

Поэтому, наверно, нас объявляют врагами Родины.

Эмиграция продолжается. Это тогда дочь Брежнева Галина сказала:

– Евреи, торопитесь! Не будет отца, перестанут выпускать. Лавочка закроется!

Началась война в Афганистане.

Растет армия «отказников». «Кислород перекрывают» окончательно. «Лавочка» закрывается.

Андропов.

Говорили, что он к нам хорошо относится.

А может, господину, тьфу, товарищу Андропову просто было не до таких, как мы. Он все время болел...

Кто знает?!

Но власть уже нас не так давит. Но мы все еще не работаем. Не поем. Нам на сцену, на этот «идеологический фронт», все еще никак нельзя.

Тогда и происходит наша встреча с КГБ.

Мы все еще числились в Москонцерте. И директор не знал, бедный, что с нами делать. Вернее, как от нас отделаться. Уволить не имеет права. Вот и обратился с вопросом «как быть?» к представителю КГБ.

Представитель приходит, и встреча происходит в кабинете директора. Кажется, директор волнуется больше нас. Говорит:

– Вы можете начинать (!!) работать... Вам уже «разрешили»... Но надо написать заявление, «письмо такое, покаянное...». И обязательно укажите, что никуда больше не хотите ехать и вообще... жалеете...

Мы хотим покинуть эту компанию.

Но вмешивается «искусствовед в штатском», начальник районного отделения КГБ:

– Не надо никаких покаянных писем. Просто хочу вас предупредить: вас никуда, ни в какую эмиграцию, не выпустят. Поэтому начинайте понемногу выступать. Вам никто мешать не будет.

Как «понемногу выступать», мы не знаем. Не умеем мы петь понемногу.

Но начинаем снова набирать оркестр.

Конечно же «мешают». Москонцерт дает музыкантов, которых не взяли ни в один коллектив. Самых слабых. Пьющих. Никаких.

Мучаемся.

И отправляют нас по самому «не нашему» гастрольному маршруту. Туда, где нас никто не знает. Мы там никогда не были, а телевизоров там нет. А отказаться в сложившейся ситуации мы не имеем права. Могут и уволить.

Поэтому – едем.

В залах – дети и собаки. И «люди в штатском». За нами всюду ездят такие «любители» нашей музыки, мать их так.

Но все же – мы снова «понемногу» выступаем.

Потом, уже при *Черненко*, начинаются наши более или менее нормальные гастроли.

Помню, мы – в каком-то городишке. В какой-то гостинице. Вечером должен быть концерт.

В тот день по телевидению одна классическая музыка. Значит, кто-то умер. И действительно – объявляют о смерти Черненко.

Раздается за несколько часов до концерта звонок директора филармонии:

– В стране траур. Все гастроли отменяются.

Начинаем собираться домой. В Москву.

Опять звонок:

– Вы не отменяетесь. Можете работать. У вас человеческий концерт.

Интересно: значит, надо, чтобы в стране кто-то серьезный умер, чтобы ОНИ поняли, что у нас – «человеческий концерт».

Распаковываем чемоданы.

На концерты наши народ пошел валом. Хотя рекламы о нас все еще почти не было. Нас все еще опасались.

...Зато при *Горбачеве*, в 90-е лихие, концертов ни у кого вообще нет. Все развалилось.

Зато – расцвет малого бизнеса.

Торгуют все. Торгуют всем. «Разрешено все, что не запрещено».

И мы – туда же. Открываем фирму «АС». Алла – Стахан. Торгуем колготками из Биробиджана.

В наш бизнес взяли наших ребят: скрипача и звукооператора. Музыканты тоже есть хотя. В России голодно.

Бизнес помогает. Уже купили кое-что из самого необходимого. Ведь то, что было у нас раньше – мебель, дорогая одежда... было продано.

НО – вдруг...

Звонок в дверь. Стахан открыл. На пороге – двое. Без масок. «Нацмены»... Оттолкнули, вошли. Выложили на стол оружие. Огромный пистолет с какой-то штукой. Оказалось – с глушителем. И нож.

Требуют деньги. Спокойно обыскали квартиру. Разворошили все. Забрали то, что у нас только что уже появилось. Самое необходимое: шубу, дубленку Стахана... и почему-то – шкуру меховую, кем-то подаренную... Колечко фамильное мамино и мое обручальное...

И блок сигарет.

Потом один «добрый» бросает на стол пачку. Говорит мужу:

– Покуришь потом.

Бандитов этих – не нашли.

А нашли тех, других. Кто вскоре после этого...

В Москве, в самом ее центре, орудовала банда, которая грабила квартиры известных людей. Сдуру пришли и к нам. А мы уже и так были ограблены. И властью, и бандитами. Грабить-то уже было нечего: совсем немного денег да последнее мамино кольцо. Я в тот день забыла его надеть.

Счастье, что на этот раз нас дома не было. Спасибо, что грабили в отсутствие хозяев.

Унесли, правда, самое ценное – все видео- и аудиокассеты с песнями нашими. То небольшое, что осталось у нас после запрета, когда на радио и ТВ все наше было полностью размагничено.

Так эта потеря и не восстановлена до сих пор.

Но на этом воры и погорели. Нашли-то их по нашим песням! В доме одного из тех, кто грабил. Кассеты наши себе оставил. Песни наши, сволочь, любил, значит, и слушал.

Потом был суд. Среди подсудимых была молодая девчонка, сожительница и поделница одного из них. Она так плакала, так плакала... Кричала, что не знала ничего.

– Скотина! Что ты наделал?! – кричала.

В доме у них оказались чьи-то украденные безделушки.

Мне было ее жалко.

Наверно, суду тоже было ее жаль. Не посадили.

А вот больше всего почему-то я злилась на адвокатшу. Она была нанята подсудимыми.

– За наши же деньги нанята! – возмущалась я.

...Кассеты с песнями нам потом, после суда, отдали.

А наши видео так и не дошли до нас. Понятно – сами видеокассеты тогда стоили дорого.

...Потом был первый после запрета выезд за рубеж. Нас уже выпустили с концертами. Первая поездка – в США.

Мы благодарны Америке. Она поддержала нас – мы почувствовали, что нужны.

Из Америки привозим сухое молоко и немного долларов.

Если сложить все наши поездки по Америке, получится более трех с половиной лет жизни там. Много концертов было – нас там любят.

...И наконец, первый после долгого молчания – наш афишный сольный концерт в Москве. И не где-нибудь, а на центральной сцене столицы – в ГЦКЗ «Россия». Так же как когда-то – аншлаг.

Во времена *Ельцина* опять перемены. И вообще, что-то происходит странное и страшное. Танки по Москве. Идут почему-то в сторону области.

Я за рулем. Еду встречать мужа в аэропорт. Он прилетает из Ташкента.

Еду медленно. Параллельно с танками. Успеваем разговаривать.

– Ребята, вы куда?

– Мы – откуда.

Понятно. Время уже к вечеру. Были, значит, в центре где-то.

Позднее так и оказалось.

Потом хоронили двух ребят, погибших под танком в центре Москвы. Русского и еврейского мальчиков. Всей Москвой и хоронили. Молитвы читали на двух языках.

Потом мы пели на площади перед Белым домом. Молитву за всех за нас пели. На иврите. А раввин молился над толпой, стоящей внизу. Красиво. Торжественно. Печально. Нам казалось, что мы присутствуем при великом, благом и справедливом... и вносим свою небольшую лепту... Во что?

Так ли это?!

История еще не показала.

Управлял всем этим молодой и красивый Руцкой. Герой нашего того времени.

Все снимало центральное ТВ. Но то, что пели мы, наша молитва, исчезло. Кому-то мы все еще опять мешали.

Ну а дальше...

Дальше... вы уже все знаете сами.

А мы дошли, добрались наконец-то до нашего Золотого юбилея.

...А насчет наших царей?!

Говорят, что народ имеет того царя, которого заслужил.

Золото юбилея

Ничего себе! Пятьдесят! На сцене и в нашей с ним семейной жизни.

Мы даем!!!

Так все говорят.

Так мы говорим.

И стараемся «давать».

Иногда получается. Особенно если мы на сцене.

Первого ноября 2012-го состоялся концерт в Театре эстрады. «Золотой юбилей звездной пары». Нас, значит.

Название программы – «Если любить...».

Волновались очень. Задолго начали. Волноваться. И готовиться.

На этот раз все намного трудней, чем раньше: кризисы разные вокруг, обстоятельства, говорят, изменились, денег ни у города, ни у Департамента культуры нет. А деньги нужны. Опять-таки – оплата концертного зала, аппаратуры, света... И – самые главные расходы, конечно, реклама. Куда без нее?! Если нет рекламы, то кто узнает, что мы отмечаем свой Золотой юбилей?!

Никто.

Но, слава богу, дали нам зал бесплатно. Спасибо Гене Хазанову и нам самим. Мы звонили, хлопотали... Не только ради себя. Ведь если не будет этого концерта, мы можем лишиться удовольствия многих наших верных почитателей! Да-да! И как оказалось, таких немало. Мы это точно знаем. Вот такие уж мы нескромные.

И вот, чем ближе к числу икс, к концерту, значит, тем больше волнений и дел.

Зрительный зал – почти 1400 мест. И нам надо, обязательно надо, чтоб он был полон. Нужен аншлаг. Нам нужен, организаторам нужен. И театру.

А нас пугают: «Не надейтесь даже, сейчас аншлагов почти никто не делает. А чтоб привлечь народ, приглашайте как можно больше именитых гостей, звезд приглашайте».

Но мы не хотим никаких просто звезд, на которых «ходят». Мы хотим, чтобы были те гости, которые могут и должны быть в нашем концерте. По какому признаку? Да просто те, кого МЫ любим.

А лишь бы кого – мы не любим.

И вот все-таки наступает день икс. 1 ноября. Театр эстрады. Будний день, четверг. И – аншлаг! Ура-а! Все-таки – аншлаг! Абсолютный, как говорят, «битковой»!

А директор Москонцерта, господин Беленький, утверждал, что собрать народ сейчас невозможно... что «в лучшем случае» будет половина зала, а то и меньше...

И тогда мой муж, отъявленный спорщик и борец за справедливость, активно возразил: – Народ пойдет. Обязательно пойдет!

Гендиректор объявил:

– Вскрытие покажет.

«Вскрытие» показало. За 10 дней до нашего представления не было ни одного билета в продаже. Ни в кассах театра, ни в городских. А в день самого юбилейного вечера, перед началом, билеты продавались в три-четыре раза дороже их настоящей цены.

И покупали!!!

И концерт прошел на одном дыхании.

И мы были по-настоящему счастливы! Огромная благодарность за любовь, за верность нам и нашим песням... нас переполнила. Еще бы: в самом начале, как только мы появились на сцене, весь зал подняло как волной. Все встали. Одновременно все. Как сговорились!

Стояли долго. Хлопали долго... И это было не только приветствие. Это было что-то большее. Признание. Любовь. Благодарность. Уважение...

Зал стоял и аплодировал.

Я не выдержала наконец. «Хватит уже», – смеюсь.

Зал еле успокоился. Еле уgomонился.

И концерт пошел.

И мы стали петь.

Мы начали с романса «Только раз бывает в жизни встреча». Сразу с первого ряда поднялся наш любимый великий человек Леонид Михайлович Рошаль. С двумя букетами роз: один – мне, другой – Стахану.

И на сцену пошли многочисленные гости. Со своими поздравлениями.

Иосиф Кобзон, наш флагман, говорил о нашем дуэте. О наших песнях. О нас. О том, что на эстраде редко встретишь людей таких – неконфликтных. И что мы никогда не завидовали чужому успеху. Не участвовали в закулисных разборках... В общем, говорил много доброго.

Удивил всех телеведущий Дмитрий Дибров. Он стал рассуждать о том, что, если соединяются вместе песня и душа, получается то, что получилось сегодня, в нашем дуэте. И еще. Сказал, что мы с нашими песнями чуть ли не мама и папа для тех, у кого уже нет родителей. Потому что уж очень наши песни их родители любили! Вот как закрутил Дима Дибров!

Эммануил Виторган, замечательный актер и наш близкий друг, говорил нежные и почему-то благодарные слова. Хотя мы ему и его Ирочке должны быть не менее благодарны. За дружбу, поддержку. Выступление его было неожиданным. Он заявил, что петь после Кобзона, и тем более при нас, не будет, а вот танец нам преподнесет!

И преподнес!

Танец его был удивительный. Легкий и смешной. В общем, это был настоящий танец Эммануила Виторгана. Настоящий артист во всем хорош! И в танце тоже.

Интересный и заслуженно модный поэт, наш друг Саша Вулых, подарил нам очередное посвящение. Так же как и на предыдущем юбилее.

И я не могу не «прочитать» их на этих страницах.

Концерт у вас сегодня – просто класс!

Я рад стоять на сцене вместе с вами,

И я хочу поздравить вас стихами

И людям рассказать про вас.

Что миру подарил Узбекистан?

Красоты Бухары и Самарканда,

Ташкента, Намангана и Коканда,

Валюту сум, плов, маш, чак-чак, лагман...

А кто прославить смог Узбекистан?

Тимура вспомним, вспомним Улугбека,

И Навои, мудрейшего узбека,

И Вас, конечно, дорогой Стахан!

Ваш голос уникален и красив,

Он с голосом навеки сплелся

Аллы, И вам двоим рукоплескали залы,

Где «Ночки луговой» звучал мотив.

Еврейка и узбек – одна семья,

Стрелец и Близнецы, огонь и воздух.
Вы разные, но дело же не в звездах,
Любовь решает все, мои друзья.
Она вас направляла и вела,
Была сильнее родительских запретов,
Была сильнее интриг Страны Советов,
И миру ваш дуэт она дала.

Подобного дуэта в мире нет,
Пусть певцы иные голосисты,
Вы – неспроста народные артисты,
Как прежде, популярнейший дуэт.
Немало вами пройдено дорог,
Немало бед вдвоем вы испытали,
Еще бы – целых десять лет молчали.
А это, прямо скажем, долгий срок.

Стирали ваши записи враги,
Отказывали в званиях и работе,
Но все прошло, и снова вы поете,
Да будет так! Господь вам помощи.
И невозможно вас не уважать
За мужество, за верность, за таланты.
С годами не стареют бриллианты,
Ничто не помешает им сиять.

Что нынешние звездочки?
Из них Немногие останутся на сцене.
Вас любят люди многих поколений,
Идут, как прежде, слушать вас двоих.

Хочу сегодня искренне сказать —
Желаю вам здоровья и удачи,
Жить весело и долго. Не иначе.
И пением нас радовать опять!
Рахмат вам, дорогие, и шалом!
Спасибо вам за яркое искусство!
За вложенные в ваши песни чувства!
Да будет полон радости ваш дом!

И к нашему Золотому юбилею – новое поздравление от Александра Вулыха.

Не обойтись сегодня без стакана
И без вина, налитого в стакан.
Глядит с улыбкой Алла на Стахана,
На Аллу смотрит с нежностью Стахан.
Лет пятьдесят назад в Колонном зале,
В студенческие юные года,
Они внезапно встретились глазами

И поняли, что это навсегда.

И к ним в тот час явилось понимание,
Что кто-то в небесах за них решил
Им подарить одно дыханье,
Одно – на две поющие души.
И если б вдруг по полюсам вселенной
Их разбросал судьбы недобрый сон,
Они бы и тогда одновременно
Свое дыханье взяли в унисон.

В безумной жизни, что летит по кругу,
Где правят балом золото и медь,
Две половинки, отыскав друг друга,
Соединились, чтобы песню спеть.
И жизнь свою они поют, как песню,
В ней вместо слов – лишь выдох или вдох!
И пусть сегодня юность не воскреснет,
Но песню их дыханья
Слышит Бог!

...Вся сцена была действительно переполнена букетами и корзинами цветов. Зрители дарили подарки, передавали записки, стихи...

Вот послание от простого зрителя из Нижнего Новгорода – от Евгения Ростунова. Немного наивно, но сердечно.

Любовь нагрянула на сцене.
И вот рожден в СССР
Дуэт – талант! Чего там – гений!
Для подражания пример.
Их души – в творческом полете,
Царит в них вечная весна,
Он – обаятелен, в заботе...
И обаятельна она!
Листва шумит в саду осеннем,
И время не остановить.
Но осень – время вдохновенья,
Ступенька в зрелости любить.
Спасибо песне в жизнь длиною,
Спасибо им – за то, что есть!
За то, что музыка – с душою
И что они сегодня – здесь!

Поэт Георгий Терекhov поздравил нас письмом про нас же.

«Пятьдесят лет вместе. Не знаю, может быть, они давно бы разбежались, если бы не их удивительная, негасимая, я бы сказал, сумасшедшая любовь... «Любовь к золоту». Отсюда и Золотая свадьба!

А если б вы знали, как они любят бриллианты!

И можете быть уверены, мы еще погуляем у них и на бриллиантовой свадьбе! Всего каких-то...

Они, Стахан и Алла, удивительные люди. Уверяю вас – они дотянут и до платиновой».

А дальше – как бы две «поздравительные телеграммы».

Первая – из Ташкента. Стахану Рахимову.

«Ассаллому алейкум, Стахан!

Узбекская пословица гласит: «Время упустишь – счастье потеряешь».

Ты не упустил время, и твое счастье – красавица Алиа – рядом с тобой.

У нас есть еще такая пословица – «Лучше быть худшим среди лучших, чем лучшим среди худших». Вы, Стахан, пошли дальше. Вы стали лучшим среди лучших!

Сегодня в каждой узбекской семье, как всегда, готовят узбекский плов. Но вместо нон, наших знаменитых лепешек, в честь вашего Золотого юбилея у нас на столах будет маца.

Рахмат тебе, Стахан, за хорошие песни, рахмат за Алию, рахмат вам, наши дорогие, за ваши золотые пятьдесят».

Вторая «телеграмма» – из Биробиджана. Алле Иошпе.

«Дорогая Аллочка!

Прими поздравление от единственного еврея, который еще проживает в Биробиджане. Раньше нас тут было много... аж трое. Двое таки уехали, а я – нет. Меня не отпускает Родина. Родина – это фамилия моей тещи.

По вечерам я пою ваши песни. Споешь вот так «Царевну Несмеяну», и тещу сразу хочется называть мамой! Споешь «Рыбу-фиш», и кушать уже не хочется, тем более нечего... Ну а после песни «Придет и к вам любовь» меня, несмотря на мои девяносто два (игриво), очень тянет на подвиги!

Счастья тебе, Аллочка, любви и всего хорошего!

И большой шалом твоему мужу Стахану Ароновичу Рахимбергеру!»

И все это Тереков завершил стихами:

Рахимов и Иошпе – наш дуэт,
Вас видеть мы всегда безмерно рады.
Вы вместе пятьдесят живете лет,
Что так нехарактерно для эстрады!

Все это нам преподнес, прочитав со сцены, наш друг замечательный артист Юрий Григорьев.

Среди гостей был и Тимур Кизяков. Умный, талантливый, удивительный человек. Незадолго до этого он пригласил нас в свою передачу «Пока все дома».

Тимур вышел на сцену из зала, сказал много добрых слов. Его выступление стало для нас настоящим подарком.

А все второе отделение было только нашим. Пели только мы.

Конечно, хотелось бы спеть все, что накопилось за долгие годы. Но это было бы невозможно. Уж очень много у нас песен. И пели то, что не могли не исполнить в такой вечер.

...О себе трудно рассказывать. Как передать то потрясающее настроение зала?! Этот грандиозный успех! Волну зрительской любви, захлестнувшей сцену!

Рассказать все это могут только свидетели происходящего, те, кто находился в этом зале.

А мы со сцены многое видим. Лица, глаза людей. Как реагируют на каждую песню, на каждую ноту, на каждое наше слово... даже на молчание, на паузы. Наш зритель все понимает, чувствует все.

А со сцены мы тоже многое видим.

Вот рядом сидят Неля Кобзон и Алимжан Тохтахунов. Они и поют вместе с нами, и хлопают так, что, как призналась потом Неля, руки долго болели...

А одна зрительница рассказала, что, после того как Стахан спел свою узбекскую песню, Алимжан обернулся к Неле и гордо произнес:

– Ну, как НАШ?!

А сидящий в следующем ряду, прямо за ними, господин Ланцман, естественно, еврей, после того как я спела свою еврейскую песню, нагнулся к ним и не менее гордо заявил:

– Ну а как вам НАША?!

...Концерт длился около четырех часов. Никто не ушел, конечно. И еще долго-долго не отпускали нас со сцены.

...В Театре эстрады есть строгое правило: концерт должен закончиться не позднее 22 часов. Наше же представление длилось гораздо дольше. И руководство театра было довольно. Может, потому что сам Гена Хазанов открыл наш юбилей, говорил теплые и добрые слова, вспоминал наши совместные актерские дороги... Он рассказывал, как мы его, еще совсем неизвестного тогда молодого артиста, брали в свои концерты...

А может, из-за такого биткового аншлага, которого давно не было...

Но, скорее всего, просто – из-за наших песен.

А нам и не хотелось расставаться. Такой острый момент, момент настоящего счастья! Но было немного грустно, что сейчас все закончится. Этот свет... эта сияющая, вся в цветах сцена... Этот необыкновенный праздник музыки, любви, признания...

А потом, после юбилейного концерта, будет, конечно, огромное количество звонков, писем на наш имейл... объяснений в любви... Нам же будут рассказывать о нас: об этом переполненном зале, о потрясающих гостях... о наших старых и новых песнях... Будут подробно разбирать мой костюм – «ярко-синий, роскошный», – специально сшитый к этому юбилею...

И прочее, и прочее...

И будут пересказывать разговоры, подслушанные в толпе после концерта.

Как, например, этот:

– Они ведь звезды! А ведут себя просто и совсем не как звезды. А ведь – народные России! Но простые и скромные. Они – как мы. Как народ.

Такой похвалой можно гордиться.

А мы и гордимся. Гордимся аншлагом. Гордимся приемом. Гордимся...

Но прежде всего гордимся тем, что осилили такой груз.

И нам говорят:

– Вы такие молодцы!

Мы отвечаем:

– Да. Мы – ужасные молодцы!

А дальше...

А дальше – «ужасные молодцы» устали. Ну, и что? И – что вы себе думаете?

Мы снова начинаем работать.

Нельзя расслабляться. Нам. Как тех старых скакунов, нас из стойла вынимать нельзя.

Тем более скоро – концерт.

Да-да! Опять!

И нечему тут удивляться.

Каждый год мы выпускаем программы под названием «Алла Иошпе и Стахан Рахимов приглашают...». И много лет, одни из первых в России, под этим «брендом» мы организовывали представления, посвященные разным еврейским праздникам.

На этот раз – «Алла Иошпе и Стахан Рахимов приглашают на праздник Ханука». И делают это уже не первый год.

И каждый раз – в цыганском театре «Ромэн». Видите?! Евреи прижились у цыган! И хорошо прижились: каждый раз таки аншлаг!

И наши зрители уже привыкли. И каждый год ждут НАШУ Хануку.

А в тот раз, когда прошел слух о предстоящем юбилейном концерте в Театре эстрады, в «Ромэн» стали звонить «нашенькины» с претензией и беспокойством:

– И что это они себе надумали?! Мы что, будем теперь без Хануки?! Они что, нам изменили?!!

Ничего себе! В это время кругом – много «Ханук»! И в Кремле, и во всех синагогах... А все равно – «нашенькины» переживают.

И мы не изменили никому. И «наша» Ханука снова была отпразднована.

В этом концерте «Ханука 2012», как всегда, много артистов. Их мы, как всегда, подбираем по нашему принципу «все флаги в гости к нам!». Это значит, что артисты разных национальностей поют как свои, так и еврейские песни.

И все рады. И зрители, и артисты. И мы.

А мы снова убеждаемся в уникальности нашего зрителя.

Вот сидит пара. Две женщины. Слушают, смотрят, замерев. После каждого номера аплодирует весь зал. Но не эти двое.

Одна дама, правда, все время порывается. Но не тут-то было.

– Не смей! – не разрешает ей подруга.

Идет следующий номер. Все аплодируют.

– Не смей! – опять строго приказывает она.

И вот наконец объявляют нас. Аллу Иошпе и Стахана Рахимова. И мы выходим на сцену.

– Вот теперь – давай!!! – раздается команда.

Вот это – наш зритель! Дама что, боялась, у подруги уже сил не останется нам хлопать?! Или это – такая форма преданности???

...И вот проходит и эта Ханука. Ханука 2012.

И что? И «что вы себе думаете»?!

Вы думаете, что мы хоть после этого отдохнули?!

Таки нет!

У нас опять хлопоты и волнения. Ведь скоро 17 декабря. Юбилей Стахана.

И снова – приглашения, подготовка программы, гости...

Все опять.

И как бы ни устали, мы это все делаем с удовольствием. Весь этот насыщенный, сумасшедший, весь этот юбилейный год.

А год этот был действительно богатый. Посудите сами. Сольный предъюбилейный концерт в Доме художника, в феврале. Наша Золотая свадьба в отеле «Ритц-Карлтон», в апреле. Юбилейный концерт в Театре эстрады – 1 ноября. И наконец, юбилей Стахана Рахимова. В декабре.

А сколько интервью, телевизионных съемок!.. И «Достояние республики» наконец-то проявилось, и «Пока все дома», и многие-многие другие программы.

Надо сказать, мы никогда не стремились к повышенному вниманию нашей власти. Особенно после «нашего 37-го» – в нашем 79-м. После запрета и изгнания нас отовсюду.

Да и в нашем золотом юбилейном году мы никакого внимания от «высоких чинов» не ждали. И не ожидали.

Но... Но бывают приятные неожиданности.

Поздравлений было много.

Тепло поздравил нас народный артист России Александр Калягин, руководитель Администрации Президента С. Иванов, советник Президента В. Толстой, чрезвычайные послы Израиля, Узбекистана, Азербайджана...

И наконец, поздравительная телеграмма от Дмитрия Медведева:

«Ваш яркий вокальный талант, теплота и неподдельная искренность... ваши песни «Алеша», «До свидания, мальчики» и другие... и сегодня любимы разными поколениями... На вашем жизненном пути было немало испытаний... в своем творчестве вы сохранили светлое и доброе...»

И так далее.

Это было приятно. Все-таки – от Председателя Правительства и бывшего Президента России! И хорошо, что в этой телеграмме не было официального тона.

Конечно, спасибо Вам, Дмитрий Анатольевич, за признание нас и наших песен... Жаль только, что поздравление это, хоть и отправленное утром 17 декабря – в день рождения моего мужа, пришло к нам только на следующий день! Когда праздник уже кончился и «фанфары уже отзвенели».

...А журналы и газеты?!

А как же!

Даже «желтая пресса» не обошла нас своим вниманием.

Один журнал, про который мы и слыхом не слыхали, нас удивил. На обложке – наши две фотографии и крупно, через весь лист – «АЛЛА ИОШПЕ УШЛА ОТ МУЖА».

Ничего?! Ничего себе!

Открываем журнал, а там – несколько страниц о нашей жизни и беспардонно как-то, и в подробностях. Даже – о наших бывших супругах, не щадя детей наших...

А «ушла Алла Иошпе», как они сподобились все-таки объяснить потом, не от Стахана Рахимова, а от своего первого мужа! Ушла А. И. к Стахану Рахимову.

Бедные, бедные журналисты! У вас что, нет ничего более интересного?! А жаль.

Даже Андрей Малахов статью о нас написал. В своем журнале «СТАР ХИТ». Хорошую статью. Добрую и большую.

Перед этим по телефону он сказал:

– Я с удовольствием посвятил бы вам целую «Пусть говорят», но... зацепиться мне не за что. У вас ни конфликтов, ни скандалов, ни шумных разводов... У вас все хорошо. Вы в полном порядке.

Я чуть было не крикнула:

– Это у нас все?!!! Все в порядке?! Это не нас предали на долгие годы анафеме?! Это не нас не выпустили из страны на необходимую операцию?!! Это не нас на десять лет лишили сцены, всех званий, запретили петь, а значит, дышать?!!! Это не нашу дочь-отличницу исключили из комсомола и МГУ как дочь «врагов народа»??! Это все – НЕ НАС??!?! И вам не за что зацепиться в нашей истории?!!!

А сколько лет мы были без сцены?! А начинать снова?! На сцене начинать ОПЯТЬ трудней, чем просто начинать. И только благодаря чуду или невероятному труду, верности профессии и друг другу мы все же ВЫСТОЯЛИ. И до сих пор, простите, любимы нашим народом. И до сих пор никак не можем надышаться нашей музыкой и успехом.

И конечно, Нашей сценой.

А вы – говорите!

Тяжелая счастливая жизнь В. М.

Телеведущий – молодой симпатичный журналист. Как-то мы видели отрывки этой программы. Было неплохо. И мы согласились прийти на эту съемку.

На этот раз передача посвящена 75-летию Вадима Мулермана. Его взлету и...

Приглашенных много. Все гостевые диваны заполнены и переполнены. Сидят те, кто когда-то выступал вместе с Мулерманом на одной сцене, а также те, кто был связан с ним родственно или дружбой...

Из коллег – Ирина Бржевская, Светлана Резанова, Ксения Георгиади, Маша Кодряну, Ренат Ибрагимов... И мы.

Были еще какие-то тети и дяди... какие-то журналисты.

...Началось все за здоровье. Ведущий поздравил певца с юбилеем, на экране показали фрагменты его выступлений... Там он молодой, звонкий, счастливый! Прозвучали «Хмуриться не надо, Лада!», «Хромой король» и – все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.